

Билл Брайан

РОМАН, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ
ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ

МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

Алекс Белл
Мировое правительство

© Алекс Белл, текст, 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Согласно исследованию, проведенному в 2007 году авторитетными швейцарскими экономистами, 140 богатейших семей мира контролируют примерно две трети всего мирового богатства. Остальные семь миллиардов жителей планеты Земля работают в основном для того, чтобы приумножить богатство этих семей.

Данная книга является полностью художественным вымыслом, но в то же время основная часть ее содержания основана на строгих исторических фактах.

Предисловие

Мы живем в XXI веке – эпохе, которую смело можно назвать «информационный рай». Любой человек в мире, имеющий доступ в Интернет и хоть немного любознательности, может мгновенно найти любую новость, книгу, лекцию, фильм, картину, а также подробное описание почти любого события, происшедшего с древнейших времен до сегодняшнего дня.

Но вот что странно: чем более обширен, безбрежен и глубок океан окружающей информации, тем сложнее в нем ориентироваться, сохранять понимание контекста и канвы, внутренней логики происходящих событий.

С каждым годом у многих людей нарастает тревожное ощущение хаоса, который, кажется, все сильнее охватывает наш мир. Однако это ощущение – ложное. Мир управляется осмысленно коллективным разумом представителей мировой элиты, имеющих прямое отношение ко всем ключевым событиям, произошедшим на нашей планете в последние как минимум сто лет. Лишь некоторые из этих людей широко известны, но даже те, кто не скрывает себя, рассказывают в своих интервью и мемуарах лишь ничтожную долю того, что на самом деле делают и знают.

Всего в мире людей, имеющих отношение к так называемому мировому правительству в каждый момент времени, – не более полутора тысяч; ключевые решения принимает лишь сотня, а иногда и десятки людей. Кто они? Диктаторы, военные, террористы-заговорщики? Нет – в основном это интеллигентные, блестяще и разносторонне образованные респектабельные люди. Те, чьим уважаемым семьям принадлежат все или почти все деньги мира. Всего одна десятая доля процента населения Земли владеет более чем половиной всех мировых богатств. И для того чтобы это положение не менялось, миром и его богатствами требуется ежедневно *управлять*.

Разумеется, не всё и не всегда подвластно этому «мировому правительству», но если что-то важное происходит помимо его воли и не отвечает его интересам, реакция мировых элит так сильна, что порождает глобальные цунами – вплоть до мировых войн и тяжелых экономических кризисов. Потрясения продолжаются ровно до тех пор, пока ситуация снова не вернется в канву, предначертанную «высшей» элитой. Является ли эта великая невидимая сила злом или, несмотря ни на что, все-таки благом для мира? Этот вопрос настолько многогранный, что однозначно на него не ответить. Но можно попытаться слегка приоткрыть завесу над тем, что на самом деле двигало глобальными событиями в последнюю сотню лет, о чем так мало написано в официальных учебниках истории.

«Дайте мне управлять деньгами страны, и мне нет дела до того, кто создает ее законы».

«Тот, кто владеет информацией, тот владеет миром».

Майер Ротшильд,

***основатель банковской династии
Ротшильдов, 1811 год***

«Если человек думает, что в историческом движении общества есть место случайностям, то он – идиот».

Марк Туллий Цицерон,

сенатор, Рим, I век до нашей эры

«Журналисты пишут, что всеми богатствами Америки распоряжаются пятьдесят человек. Это, конечно, полный абсурд. На самом деле этих людей – не больше восьми».

Дж. Ф. Бейкер,

партнер Дж. П. Моргана, 1909 год

«Чтобы управлять миром, нужно иметь точный план на некоторый... ну хоть сколько-нибудь приличный срок, скажем... сто лет».

Воланд,

***персонаж романа М. Булгакова
«Мастер и Маргарита»***

Глава 1

Федеральный резерв

*Остров Джекилл, Юго-Восточное побережье США,
22 ноября 1910 года*

Здание, в котором должно было произойти одно из главных событий в истории человечества, было не таким уж помпезным. По крайней мере, с точки зрения его участников.

Это был довольно обычный, хотя и дорогой, отель, построенный на небольшом острове в уединенном месте: на юго-востоке США, у побережья штата Джорджия. Недалеко отсюда находился оживленный порт, где темнокожие грузчики, напевающие себе под нос ритмичные мелодии, позже названные блюзами, день и ночь наполняли трансатлантические клиперы тюками хлопка, пеньки и другого добра, в избытке производимого на юге США. Но сам остров Джекилл был строго охраняемой частной территорией: заповедником, где по осени состоятельные приезжие джентльмены с севера США могли развлечься утиной охотой в нетронутой болотистой местности. К охоте прилагались неспешные прогулки вдоль побережья океана и долгие приватные разговоры о бизнесе и политике с графином бренди у камина ненастными вечерами. В этом году ноябрь выдался особенно холодным. Почти весь месяц над всем Восточным побережьем шли ледяные дожди, дули сильные ветры, а по ночам температура опускалась ниже нуля. Желающих поохотиться в такое ненастье на острове Джекилл было гораздо меньше обычного, поэтому мало кто из постояльцев удивился, увидев объявление в холле отеля Clubhouse о том, что с двадцатых чисел ноября отель и весь остров будут закрыты для посетителей.

Однако сохранить встречу в полной тайне все же не удалось. Группка репортеров проникла на платформу местного вокзала, прослышав о том, что утром прибывает поезд из Нью-Йорка с

важными персонами. Но к ним подошел какой-то джентльмен, что-то негромко сказал, после чего газетчики удалились почти бегом, и вокзал снова опустел. Состав прибывшего вскоре поезда состоял из нескольких серо-зеленых пустых вагонов второго класса, но в его хвосте было прицеплено нечто почти королевское: вагон цвета слоновой кости, украшенный красными фамильными гербами, вдвое длиннее обычного. В нем было достаточно места, чтобы с комфортом разместить полсотни людей, но пассажиров, не считая обслуживающего поезд персонала, было всего семеро. У каждого гостя был с собой полный набор охотничьего обмундирования, один из них даже вез огромное, длиной почти в полтора метра ружье восьмого калибра, которое своим зарядом дроби могло выбить сразу несколько уток одним выстрелом. Но что-то в облике гостей, вышедших из вагона настороженно, поодиночке, в полном молчании, и как будто даже не зная друг друга, делало их не похожими на людей, приехавших для развлечения. Четыре роскошные черные кареты с белыми шелковыми занавесками и золотыми вензелями J.P.M. на боках фаэтонов быстро доставили пассажиров к пристани, откуда на лодках они за считанные минуты добрались до острова, где находился отель Clubhouse, в котором уже все было готово к их прибытию.

Одного из семерых тайных гостей, казавшегося главным в процессии, журналисты мгновенно узнали бы в лицо. Это был Нельсон Олдрич, самый влиятельный сенатор в конгрессе США, лидер Республиканской партии. Пресса со злой, но бессильной иронией называла его «генеральным менеджером» Америки. Казалось, что в политике ему подвластно все: проталкивать самые непопулярные законы ради интересов монополий, ограждать целые отрасли от конкуренции, поднимая до небес пошлины на импортные товары – за немалый личный интерес, естественно. Ходили слухи, что сам президент Тафт нечасто принимал важные решения без консультаций с Олдричем и даже определенно побаивался его. Да и внешне трудно было найти человека представительнее: в свои

неполные семьдесят Олдрич был высоким элегантным господином с твердой упругой походкой, несмотря на посеребренную трость, мощным голосом и исключительно властными манерами. Его спутники, напротив, к политике отношения не имели, и их лица вряд ли кому-то из посторонних показались бы знакомыми. А между тем это были управляющие крупнейшими банками и инвестиционными компаниями Америки. Поездка на остров Джекилл для них была чем-то вроде деловой командировки: они представляли здесь интересы владельцев банков, которые по понятным причинам не могли находиться здесь сами.

Прошло всего три года с того страшного момента, когда казалось, что великая независимая Америка не устоит, через считанные дни распадется на куски. Великий банковский кризис 1907 года по своему размаху превзошел все предыдущие. Биржевые потрясения, когда миллионные состояния всего за несколько часов исчезали как дым, не были новостью. Напротив, они случались по обе стороны Атлантики весьма регулярно: примерно раз в десять лет. Но такого неподдельного ужаса, паники и хаоса, которые внезапно, почти без видимых причин, охватили игроков на фондовой бирже Нью-Йорка, крупных и мелких частных владельцев акций, и, наконец, простых вкладчиков банков, история, пожалуй, еще не знала. Хотя на самом деле тучи над финансовым горизонтом Америки сгущались давно. Весь год рынок акций после бурного роста понемногу снижался, а мелкие и средние банки то и дело брали займы у больших банков, спешно затыкая все новые дыры в своем балансе (что, конечно, держалось в тайне). Ближе к осени одна из крупных брокерских контор на Уолл-стрит решила создать национальную медную монополию, скупая на заемные средства акции всех медных компаний, но не рассчитала силы и лопнула. С ней обанкротились и кредитовавшие ее банки, запустив «цепную реакцию». В середине октября забурлил весь Нью-Йорк: из уст в уста разносились слухи, что банки штата вот-вот закроются – поэтому у дверей их офисов уже с вечера выстраивались огромные очереди вкладчиков, которые

надеялись с утра первыми снять со счета свои доллары. Настоящих причин для паники на самом деле не было, но банковское дело устроено так, что даже самый здоровый и процветающий банк не может *сразу* вернуть больше, чем одну десятую вкладов – ведь деньги не лежат в сейфе, а крутятся в беспрестанном обороте. В первые дни возникшего хаоса банкиры еще как-то выручали друг друга, но скоро стало понятно, что на всех вкладчиков Нью-Йорка средств не хватит. Паника толпы перерастала в уличные беспорядки и погромы, которые полиция не могла сдержать. Власти штата обратились к федеральному правительству и президенту, но и те мало чем могли помочь, кроме грозных увещеваний. В стране был лишь один человек, который мог спасти ситуацию. Джон Пирпонт Морган, король и гроза банкиров Америки, с начала кризиса демонстративно не вмешивался в события, отбив в роскошный особняк на Лонг-Айленде, где целыми днями в тишине раскладывал свои любимые пасьянсы. И лишь когда ему лично в руки доставили письмо президента с отчаянной просьбой о помощи, Морган появился на Уолл-стрит – ровно за день до объявления всего штата Нью-Йорк банкротом. Он собрал в своем офисе пул банкиров, которые согласились внести более двадцати миллионов долларов на разрешение ситуации. Даже этого оказалось недостаточно, и тогда Морган еще выкупил облигации штата на баснословные в то время тридцать миллионов долларов из своих личных средств. Едва весть об этом разнеслась по рынку, как паника прекратилась, словно по мановению волшебной палочки. Президент назвал Моргана «великим государственным мужем» и публично принес ему благодарности. Стоит ли говорить, что больше всех заработал на кризисе сам «спаситель нации». В его разгар конторы Моргана без лишнего шума скупили резко подешевевшие акции крупных металлургических компаний: из кризиса он вышел не только финансовым, но также и стальным магнатом.

Когда кризис миновал, ведущие финансовые издания опубликовали статьи малоизвестного, но успешного

инвестиционного банкира с Уолл-стрит, которые вызвали в деловой среде большой интерес. Банкира звали Пол Варбург, и он горячо, профессионально и убедительно отстаивал идею, что для благополучия Америки и предотвращения будущих кризисов требуется как можно скорее создать государственный Центральный банк – такой, как Банк Англии. Внутри Уолл-стрит многие пребывали в уверенности, что эти статьи были оплачены, а может быть, и вовсе написаны под диктовку Моргана. Как ни странно, они ошибались: этот ветер дул из далекой Европы, а Пол Варбург много лет был тайным доверенным лицом банкирского дома Ротшильдов. И, конечно, он стал одним из гостей острова Джекилл.

В это же время над банковской системой Америки нависла угроза куда более опасная, чем острые, но скоротечные кризисы. Начиная с конца XIX века экономика США росла словно на дрожжах, ее корпорации становились все богаче. Когда-то во всей стране только Standard Oil Рокфеллера, раздувавшаяся от нефтяных денег, могла позволить себе не пользоваться банковскими кредитами: ни для инвестиций в расширение производства, ни для выплаты дивидендов. Но в последние годы огромных, финансово устойчивых корпораций, не нуждающихся в кредитах, становилось все больше: сначала десятки, а вскоре могли появиться сотни и тысячи. Крупные банкиры, еще недавно всемогущие, назначавшие и свергавшие королей, могли превратиться в ненужный, изживший себя атавизм. Снова стать уличными менялами или страховщиками, живущими на мизерные комиссии... Нет, этого не должно было случиться.

Охотники за утками

Около двух часов пополудни прибывшие гости заняли места в сравнительно небольшом зале, обстановка которого была аскетической: на столе с тем же вензелем J.P.M. находились лишь стопки бумаги для записи и графина с водой. Церемония

приветствий была короткой: все присутствующие прекрасно знали друг друга. Среди приглашенных, помимо Олдрича и Варбурга, был уважаемый банкирами Восточного побережья президент Банка Нью-Йорка Фрэнк Вандерлип, похожий на университетского профессора, – человек Рокфеллера. Рядом сидел аккуратный и педантичный чиновник государственного Казначейства Абрахам Эндрю, а по другую сторону стола расположились трое руководителей банков империи Моргана. Все эти люди были одновременно и непримиримыми соперниками в борьбе за куски того, что называлось *золотовалютной денежной массой США*, и близкими партнерами, когда дело касалось общих интересов большого банковского мира. Каждый день они приходили в свои помпезные офисы на Уолл-стрит в стиле модерн, выписывали или принимали векселя, задумывали хитроумные планы спекуляций, результатом которых обычно становился законный отъем чьей-либо собственности и рост собственного капитала. Но сегодня они были единой командой, которой предстояло решить два насущных вопроса: как править миром и как сохранить власть для следующих поколений своих семей.

Заседание открыл Олдрич. От чьего имени говорил представительный сенатор? Был ли он автором идеи или лишь проводил в жизнь указания своих хозяев? Этого точно не знал никто, да и не знает до сих пор. Олдрич имел много общих дел с Морганом, его любимица – белокурая, с кудряшками младшая дочь Мэри – была замужем за старшим сыном Рокфеллера, наследником империи. Все также знали, что у Олдрича имелись старинные друзья и партнеры по ту сторону Атлантики – среди членов правления Банка Англии. Вероятнее всего, Олдрич исполнял столь важную миссию, потому что только он в компании охотников за утками мог представлять *всех заинтересованных лиц одновременно*. Его речь была краткой и деловой:

– Джентльмены, спасибо, что откликнулись. Надеюсь, наша неделя утиной охоты пройдет удачно. Вы знаете, что этот отель и уголья на

острове были любезно предоставлены нам их владельцем Джоном Пирпонтотом Морганом. Как вы, безусловно, осведомлены, для него никогда не было ничего важнее, чем деловая репутация. Поэтому нам были переданы инструкции о том, что можно делать, а чего ни при каких обстоятельствах не следует. Вы понимаете, что наше собрание, преследующее, конечно, лишь самые важные и благородные национальные интересы, пронырливые репортеры и случайные свидетели могут попытаться очернить и даже преподнести как... ну, скажем, картельный сговор... незаконный, с их точки зрения... Поэтому, джентльмены, вот несколько простых правил. Во-первых, во время наших заседаний, и уж тем более за пределами этой комнаты, мы называем друг друга только по именам, без фамилий. Узнать фамилии, даже случайно, не должен никто. Во-вторых, каждое утро, примерно с полседьмого до девяти, мы действительно будем охотиться на уток. Да-да, я знаю, что некоторые из вас ни разу не стреляли из ружья и вообще предпочитают в такую погоду греться у камина со стаканчиком виски. Не беспокойтесь, от вас на охоте требуется только не перепутать, с какого конца у ружья находится дуло, остальное неважно. В-третьих, помните, что каждый из вас, по официальной версии, находится сейчас в каком-то другом месте, на отдыхе или в командировке. Даже ваши близкие друзья и члены семей до конца вашей жизни не должны узнать, что вы когда-либо были здесь. И еще если до окончания нашей работы произойдет что-то серьезное с вашей семьей или бизнесом, вы не сможете покинуть остров раньше срока: охрана здесь отменная и дежурит круглосуточно. Таковы инструкции его владельца, и я искренне надеюсь на ваше понимание. А теперь к делу. Мистер Варбург, расскажите о вашем видении плана более подробно.

Пол Варбург не был столь же уверенным в себе, как Нельсон Олдрич. Он происходил из богатой немецкой семьи с еврейскими корнями, а линия его родственников Шиффов уже целое столетие являлись ближайшими партнерами дома Ротшильдов. Но в Нью-

Йорке, куда Пол решил перевести дела своей инвестиционной компании, его ждал холодный прием: здесь он не был своим, а его резкий немецкий акцент до сих пор резал слух присутствовавших. Невысокий, чуть сутулый и рано начавший лысеть в свои сорок лет, он чувствовал неловкость в компании старших по возрасту американских аристократов. Но в каждой его фразе отчетливо и ясно звучали точно сформулированные идеи, ради которых и созвали эту встречу. Его руки и голос слегка дрожали, но слова были наполнены природной энергией и даже страстью:

– Господа, я уверен, что мы движемся в правильном направлении. Однако слишком медленно. Сегодня утром в поезде я набросал на листке пять целей будущего Центрального банка Америки. Собственно, вам они известны. Борьба с кризисами, упрочение курса доллара и так далее. Но мы оставим эти цели для слушаний в конгрессе. Я долго думал, как следует сформулировать главную задачу. И я вспомнил, как однажды, в ответ на очередные обвинения в монополизме и манипулировании рынком, Рокфеллер сказал: конкуренция – это грех. Когда мы говорим о самом крупном бизнесе, это, безусловно, глубокая и правильная мысль. Так же должны рассуждать и мы. Только сильная единая структура национального масштаба, которая не отвлекается на ежедневную мелочную возню, может быть по-настоящему великой и эффективной. И стоять за ней должно не аморфное государство с часто сменяемыми и потому продажными чиновниками, а энергичные и мудрые профессиональные люди – финансисты, доказавшие, что именно они – лучшие в своем деле. Я обсуждал оптимальную структуру с Альфредом Ротшильдом, чей дед Натан стоял у истоков современной английской банковской системы. Он также уверен, что Центральный банк Америки может быть только частной организацией.

Вандерлип, обычно образец выдержки и интеллигентности, вдруг резко перебил Варбурга:

– Пол, я надеюсь, вы понимаете, что это – совершенная утопия и фантазии. Частный Центральный банк, который печатает чьи-то частные доллары США? Как вы это себе представляете? Правительство поднимет вас, а заодно и всех нас на смех. Даже Нельсон с его безграничными связями никогда не протащит это через конгресс.

Олдрич промолчал, не подтвердив и не опровергнув слова банкира, а лишь жестом попросил немца продолжить.

– Фрэнк, никто и не собирается преподносить это публике как *частный* банк. Он даже не будет называться банком. Это будет (в воздухе повисла напряженная пауза)... главный национальный резерв. Или, точнее, система, обеспечивающая финансовый резерв для страны в любой ситуации. Я бы добавил еще слово «федеральный». Оно вроде бы указывает на связь с государством и в то же время не несет никаких юридических обязательств. Вы можете назвать федеральным даже этот отель или кондитерскую лавку напротив него, и никто не запретит вам использовать это слово. Оно не запатентовано, так как по своей природе имеет разные смыслы и значения. Кроме того, не будем забывать, что люди вообще не понимают, как работает кругооборот денег и собственность на них. Нефть США ведь тоже принадлежит Америке, но все лицензии, заводы и месторождения принадлежат одному частному лицу. Такой же, государственной по форме, но на самом деле частной, должна быть и национальная банковская система. Итак, господа, я готов предложить название – Федеральная резервная система.

Реакции присутствующих не последовало, было слышно, как по комнате летают вялые осенние мухи, но седьмым чувством банкира Варбург понял, что попал в точку или, по крайней мере, внес крайне интересное предложение.

– Ну, а кто, по-вашему, будет акционерами этой самой системы?

– Это сейчас не главный вопрос. Это должен быть консорциум самых влиятельных банкиров Америки, Англии и Европы. За этими

людьми должны стоять все реальные капиталы мира. Конкретные доли в этом бизнесе – вопрос не моего уровня, но я предполагаю, что он решится незадолго перед принятием законопроекта. Участие в Системе – это не только миллиардные прибыли, но и огромная ответственность перед страной и миром, это также следует помнить.

Молчавший до этого Олдрич хмыкнул и обвел окружающих сверлящим взглядом:

– Джентльмены, я единственный среди вас – политик, а не финансист. Как будет работать Резерв при наступлении очередного кризиса, войны или любого другого потрясения? Вы будете готовы покрыть весь дефицит расходов из своих личных капиталов?

Варбург понимающе кивнул:

– Чтобы этого не произошло, система должна работать так, чтобы всегда быть в плюсе. Громадном плюсе. Банку не будет ничего стоить печатать доллары. Коммерческим банкам они ссужаются под учетную ставку, которая может колебаться от двух до пяти процентов и даже выше в случае инфляции. Дальше – банки ссужают средства своим клиентам под еще более высокие проценты. У самой Системы денег не будет – не считая скромного бюджета на содержание ее небольших офисов и мелких клерков. Доллары ей самой попросту не нужны, ведь она их печатает в любом количестве.

– В чем же тогда смысл? Зачем нужен банк без денег, только печатающий их для других?

– Помните про учетную ставку? Это игра, похожая на ту, когда, пока звучит музыка, участники ходят по кругу, затем музыка внезапно смолкает, и каждому нужно успеть сесть на стул. Проблема в том, что стульев всегда на один меньше, чем людей, и кто-то каждый раз остается ни с чем, выходя из игры. Здесь – то же самое. Простая математическая закономерность. Если вы просто делаете деньги, а затем даете их в кредит экономике под четыре процента, то затем, поскольку система – единственный источник денег, примерно четыре процента *всего богатства страны* каждый

год – это ваша гарантированная прибыль, получаемая... ну, скажем, почти из воздуха.

– Но каким образом ее получают акционеры? Они ведь не могут напечатать деньги, чтобы заплатить дивиденды самим себе – ни технически, ни тем более в рамках закона.

– Долги. Когда-нибудь им станет должна вся Америка, а может быть, и весь мир. По законам математики долги должны накапливаться как снежный ком. Сначала проблемные должники появятся у коммерческих банков, которые запросят у Резерва больше средств для покрытия их дефицита. Затем, исчерпав лимиты в Системе, банки придут к ее акционерам, прося займы у них, даже не подозревая, что так все и было задумано. В первый же кризис должниками станут крупнейшие компании, затем за кредитами выстроятся в очередь целые государства. По моим расчетам, меньше чем через какие-то полвека больше половины всей мировой собственности через долги будет контролироваться акционерами Системы. Разумеется, при условии, что Система еще будет существовать, а доллары окончательно вытеснят фунты и станут доминирующей мировой валютой. Впрочем, кажется, я заглядываю слишком далеко...

Олдрич нервно теребил в руках сигару, которую вот уже полминуты тщетно пытался разжевать. Вандерлип молчал, опустив голову.

– Если закон о Резерве будет принят, что еще надо сделать в ближайшее время?

– В результате консолидации всех средств в Резерве у государства возникнет дефицит бюджета, который чем-то нужно покрыть. Я вижу единственный путь – введение обязательного подоходного налога на всех граждан США. Кто-то должен платить за финансовую стабильность страны.

– Вы шутите? Хотите в два счета получить революцию этих дерьмовых социалистов? Сам Джордж Вашингтон когда-то поклялся, что в Америке никогда не будет подоходного налога. Государство не

имеет права залезать в карман своих свободных граждан, налогами могут облагаться только импорт и корпорации!

– При всем уважении к отцам-основателям такое положение дел безнадежно устарело. Подоходный налог – главный источник средств монархий Европы, вопрос введения его в Штатах – лишь дело времени, как я полагаю.

За окном начинало темнеть. Тучи, немного рассеявшиеся утром, вновь стали почти свинцовыми. Было что-то зловещее в этой ужасной погоде. В комнате вновь нависла гнетущая тишина, нарушаемая лишь отрывистым простуженным кашлем одного из банкиров Моргана.

Внезапно Вандерлип поднял глаза на Варбурга и спросил его медленно, очень тихо и таким тоном, словно он почти ненавидел этого неприятного, но дьявольски убедительного немца. А сам его вопрос заставил всех вздрогнуть от неожиданности:

– А Бога вы не боитесь?

Варбург ответил вполне дружелюбно:

– Это такая же монополия, как у вашего патрона Рокфеллера. Все, в том числе и мы с вами, борются за место под солнцем и также делаем все, чтобы после нас процветали наши дети и внуки. И потом, разумно управляя деньгами мира за полагающееся в таком случае вознаграждение, можно принести обществу намного больше порядка, чем хаоса. В нашем, немецком понимании, порядок, Ordnung, и есть высшее благо нации. Что касается религии... Давайте адресуем этот вопрос священникам любой из христианских конфессий, раввинам или мусульманам. Я в этом вопросе не специалист, entschuldigung (прошу простить. – нем.).

При последнем замечании присутствующие оживились, напряжение момента спало. Кто-то даже улыбнулся, некоторые начали разминать затекшие конечности.

Сенатор Олдрич поднялся, задумчиво пригладив свои длинные седые усы:

– Благодарю вас, джентльмены. Мы проделали сегодня длинную дорогу и несколько утомлены. Полагаю, что на сегодня – достаточно. Слуги покажут вам ваши апартаменты, а в шесть часов нас ждет изысканный ужин с фазанами, лобстерами и отменным белым вином, любезно присланным нам в подарок из бордоских владений господ Ротшильдов. Уверен, трапеза вам понравится. Я также предлагаю пораньше лечь спать – завтра утром нам предстоит охота, после нее мы продолжим. Приятного вечера, господа, увидимся за ужином.

Последующие дни прошли в напряженной плодотворной работе. Главным источником идей оставался Варбург. Особенно горячо обсуждалась немыслимая раньше возможность искусственно управлять фазами финансового цикла: стимулировать рост фондового рынка, увеличивая предложение денег, и затем вызывать его падение, сокращая это предложение. На девятый день из-под пера Олдрича вышел объемный документ, толщиной в триста страниц, содержащий все уточненные детали и ставший предложением анонимной «инициативной группы банкиров» к конгрессу США. В этот же день Олдрич отправил несколько секретных телеграмм с коротким текстом: «План готов». Через несколько часов ему телеграфировали еще более краткий ответ: «Действуйте».

На следующее утро наконец выглянуло теплое осеннее солнце, провожая гостей клубного отеля веселыми отблесками лучиков в высыхающих лужах под бодрый цокот экипажей с золотыми вензелями.

Впрочем, еще ничего не было ясно.

Участникам встречи и их спонсорам предстоял долгий, трудный процесс, который занял целых три года. Несмотря на все связи и титанические лоббистские усилия Олдрича, законопроект о частном центральном банке встретил бурю возражений в конгрессе США и со скандалом был отклонен. Но идея не умерла: слишком могущественные силы стояли за ней. Было решено зайти с другой

стороны, не спеша и следуя тактике «волка в овечьей шкуре». Банкиры выдали грант в несколько миллионов долларов профессорам экономических университетов, которые, разумеется, в своих авторитетных работах полностью одобрили идею Центрального банка. Новый, избранный в 1912 году президент США демократ Вудро Вилсон, тоже бывший профессор, проникся их идеями. К Вилсону приставили экономических советников из числа лучших американских банкиров, а в конгресс был внесен новый законопроект – с большим количеством внешних изменений, но аналогичный первоначальному по сути. Последние жаркие бои за утверждение закона о Федеральном резерве шли весь 1913 год, но уже за закрытыми дверями, без вынесения на суд публики и прессы. Президент Вилсон продолжал сомневаться (много лет спустя он скажет, что его нагло обманули), но талантливые советники неустанно убеждали его, что это лучший выход, который навсегда положит конец любым кризисам. Немногочисленным сенаторам, все еще выступавшим против проекта в конгрессе, банкиры заплатили щедро, как никогда, и их позиция к концу года неожиданно для всех смягчилась.

23 декабря 1913 года, в последний рабочий день накануне Рождества, когда весь Вашингтон был засыпан мягким пушистым снегом, а мысли конгрессменов – заняты приятными мечтами о предстоящем семейном празднике, законопроект был принят – незаметно, в числе многих других.

Банковская элита одержала оглушительную победу. С тех самых пор в США не было выпущено ни одного доллара государственных денег, а правительство и президент утратили реальные рычаги влияния на финансовую политику. Устройство мира за один день изменилось сильнее, чем когда-либо в истории и чем кто-либо мог себе в тот момент вообразить.

Выпуск триллионов долларов США – почти всех денег мира – оказался в руках маленькой группы людей, о которых общественность ничего не знала, не знает и не должна знать.

Глава 2

Утро, которое не могло произойти

*Бостон (США), кампус MIT
(Массачусетский технологический институт),
наши дни*

Лучи мягкого мартовского солнца веселой стайкой покружили по просторной комнате, отразились от поверхности аккуратно убранного письменного стола, попрыгали по монитору стоящего на нем тонкого, почти прозрачного ноутбука. Затем они с удивлением обогнули лежащие рядом странные очки виртуальной реальности с широкими затемненными линзами и, наконец, упали на лицо Джека, заставив его шевельнуться и приоткрыть глаза. Несильная, но настойчивая тупая боль сдавливала его виски, мысли с трудом собирались. Джек не мог вспомнить ничего из того, что произошло в его жизни прошлым вечером. Было понятно лишь одно: *они* опять были здесь...

Информация из его компьютера этой ночью снова была украдена – скопирована неизвестными, несмотря на установленную им улучшенную систему криптографической защиты паролей и данных. Из внутреннего отделения письменного стола исчезли две карты флеш-памяти и блокнот с заметками, которые он делал всю прошлую неделю в лаборатории. Из электронной почты в компьютере была стерта его переписка с несколькими мультимиллионерами – бизнес-ангелами из Силиконовой долины, на финансирование которых он рассчитывал. На своем теле Джек обнаружил несколько крупных синяков и кровоподтеков, к счастью, здоровью не угрожавших. Резким движением Джек поднял руку, рассмотрев и ощупав запястье, затем с легким стоном облегчения опустил. *Они* могли имплантировать Джеку чип, и тогда все стало бы гораздо сложнее. Но пока этого не произошло: очевидно, с ним

собирались договориться как-то иначе. Мысли Джека постепенно упорядочивались. Полиции, конечно, сообщать что-либо бесполезно, хотя факты взлома его комнаты налицо. Камеры наблюдения на территории университета – на них тоже мало надежды. Но главное – совершенно ни к чему, чтобы об этой странной истории стал сплетничать весь университет.

Надо все обдумать, исторгнув из себя это отвратительное чувство холодного страха перед невидимой угрозой, принять душ и попытаться делать вид, что ничего не произошло. Было уже одиннадцать, а у студентов МТИ не может быть свободного времени. Джек учился на выпускном четвертом курсе: завтра ему предстоял годовой экзамен по квантовой физике у пожилого профессора, получившего Нобеля лет двадцать назад. В свои восемьдесят два года тот все еще хорошо играл в теннис и, говорят, активно работал над проектом строительства нового ядерного ускорителя, в котором давно нуждались физики университета. Джек выпил немного энергетика, включил смартфон, высветивший полсотни непрочитанных сообщений, нажатием кнопки на смартфоне открыл окно, впустив свежесть весеннего воздуха, приободлившую его.

Комната находилась на двадцать третьем этаже Симмонс-холла – самого необычного из кампусов МТИ. Построенный не так давно, Симмонс-холл оригинальностью своей архитектуры должен был подчеркнуть статус университета – всемирной кузницы гениев науки, технологий, инженерного искусства и предпринимательства. Это здание даже нередко включали в рейтинги мировых шедевров современной архитектуры. Издали оно напоминало огромную широкую алюминиевую губку с дырочками для окон, похожими на маленькие квадратики пчелиных сот. Помещения холла были залиты тонкими потоками естественного света, проникавшего через тысячи отверстий в его изогнутых стенах, что создавало внутри необыкновенно приятную творческую атмосферу. Вечером здание освещалось от солнечных батарей, накопивших энергию в течение дня. Студенты называли новый кампус Губкой Бобом, по имени героя

детского мультика, нередко шутили на тему его слишком открытых пространств, но в то же время и гордились им. Комнаты в холле выделялись студентам с самыми высокими учебными баллами, а также тем, кто активно участвовал в общественной деятельности университета. Джек относился и к тем, и к другим. Загадочную аббревиатуру INTFP, ставшую одним из символов МТИ, некоторые расшифровывали как «я ненавижу это гребаное место», другие – «я нашел здесь мой истинный рай». В сущности, правдой являлось и то, и другое. Учеба здесь была изматывающей, на пределе психологических и интеллектуальных сил даже для самых талантливых выпускников школ всего мира. Но она же приносила и невероятное удовлетворение достигнутым прогрессом в собственном развитии. Вероятно, в этом и была диалектическая двойственность, присущая каждому предмету и явлению. Официальным же лозунгом МТИ был древнеримский *Mens et Manus* – «Головой и руками». В отличие от гуманитарных вузов, от выпускников МТИ требовалось не только умно рассуждать, но также и создавать что-то материальное – улучшающее этот мир, облегчая бремя тяжелых людских забот. И они создавали: выпускники университета стояли за многими прорывными технологиями и компаниями, за несколько лет с нуля становившимися всемирными лидерами в своей области.

И поэтому *они* всегда внимательно следили за тем, что происходило в МТИ.

Джеку было двадцать семь – поздний возраст для студента, даже выпускника, – и он казался окружающим одним из тех, которые пришли, чтобы изменить этот мир. С детства ему было хорошо знакомо ощущение одиночества и того, что в этой жизни каждый человек может рассчитывать только на себя. Его отец был уважаемым всеми инвестиционным банкиром, вице-президентом вашингтонского отделения знаменитого банка JP Morgan. Здание банка со светлым фасадом и высокими эркерами, в котором Джек не раз бывал в детстве, выглядело неброским, но солидным, и

находилось оно, как ему казалось, в самом лучшем месте в мире – на Коннектикут-авеню, всего в трехстах метрах от Белого дома. Из кабинета отца на верхнем этаже, казалось, было рукой подать до изумрудной лужайки перед офисом президента США. Иногда с площадки между лужайкой и парадным входом Белого дома взлетал черный, похожий на военный вертолет, и Джеку становилось невероятно интересно, находится ли в нем сам президент или нет. В общем помещении офиса стояли компьютеры, и секретарь отца – веселая улыбчивая блондинка – тайком разрешала Джеку поиграть в любимые игры, заодно угощая его конфетами, пока отец был на очередном важном совещании. Собственно, это и были его самые яркие воспоминания о папе – дома он видел его редко: тот всегда возвращался поздно, был мрачен, а выпив бутылочку-другую пива или рюмку шотландского виски, отправлялся спать. Выходные отец Джека проводил в гольф-клубах и где-то еще вместе с коллегами по работе. Позже оказалось, что у него была любовница – простая учительница, приехавшая из Огайо. Когда это выяснилось, он бросил семью и ушел к ней. Мама Джека по происхождению была русской – училась в Москве, грезилась наукой, поступила в знаменитый физико-технический институт. Горбачев и перестройка открыли русским дверь на Запад: при первой возможности она уехала на годовую стажировку в Штаты и, как многие другие, осталась. Получив диплом, преподавала физику в Джорджтаунском университете; на одном из просветительских вечеров, спонсируемых Белым домом, встретила будущего мужа. Родным языком Джека был английский, но он понимал много русских слов и прилично говорил на испанском, который полюбил за ритмичный слог и скорость выражения мыслей. Все детство мама была его главным другом, наставником, привила ему любовь к логике и математике, с годами переросшую в страстный интерес ко всем природным явлениям. Одноклассники подразнивали Джека «маминым сыночком», но когда Джек поступил в колледж, их столь близкая духовная связь вдруг оборвалась. Мама встретила свою новую любовь, тоже

преподавателя физики, и они вместе уехали в университет Беркли в благословенной солнечной Калифорнии, где помимо работы она стала увлекаться коллекционированием редких вин из долины Напа и разведением пушистых кошек сибирской породы. С Джеком они по-прежнему общались очень тепло, но теперь только по телефону или скайпу, и не чаще чем раз в месяц.

О том, что у Джека большие способности, твердили его воспитатели еще до школы – когда он успевал точно разложить карточки или правильно ответить на вопрос, пока его сверстники даже не уловили суть задания. В первом классе он уже решал квадратные уравнения и знал основные теоремы алгебры и геометрии, во втором – мог на равных спорить с преподавателем литературы о философском подтексте пьес Артура Миллера, в четвертом – просто перестал посещать большинство занятий, вместо этого пропадая в химической лаборатории, компьютерном классе или библиотеке. В четырнадцать лет он уже был готов к поступлению в любой университет, но тут до сих пор ровная колея его жизни внезапно ушла куда-то вбок. Резко и почти без видимых причин Джек на время охладел к наукам. Возможно, это было связано с половым созреванием. Его новой страстью стала музыка. Он мог сутками сидеть в комнате, слушая классический рок или джаз. В этих звуках ему чудилась та же красивая, изящная стройность, что и в математике, но еще и наполненная высокой, романтической, а иногда, наоборот, возбуждающей сексуальной чувственностью. Джек научился играть на электрогитаре, развил голос и даже в какой-то момент хотел стать рок-музыкантом. Но в его среде не было таких же поклонников рока и джаза – в основном сверстники считали их глубоко устаревшими стилями, и интерес Джека к музыке понемногу утих. В семнадцать лет он подал документы одновременно в Гарвард, Йель и Стэнфорд, блестяще сдал тесты, но на собеседованиях не смог четко ответить на вопрос, кем он видит себя в жизни. Его слова «мне интересно все» экзаменаторов не устроили, и он оказался в «списке ожидания». В ответ Джек аннулировал свои

заявки и поступил в колледж университета по соседству, где когда-то преподавала его мама. Ко времени окончания колледжа Джек уже имел несколько статей в научных журналах и патенты в области наноматериалов, в свободное время занимался стрельбой в тире, боевыми искусствами, а вечерами тайком общался по Интернету с программистами из хакерских сообществ. В МТИ его приняли без экзаменов. На первом же курсе он дал себе слово не просто заниматься наукой, а сделать что-то реальное, стоящее своими руками, как гласил девиз университета. В следующие три года помимо учебы, которая занимала у более юных студентов шестнадцать часов в сутки без выходных, а Джеку давалась легко, он стал соучредителем нескольких компаний, которые могли в ближайшие десять лет принести миллиарды долларов. И что важнее – изменить мир. Каждый вечер Джек ложился в постель, украдкой помолившись (религия в университете не была в почете, хотя, конечно, никто ее не запрещал), и, засыпая, мечтал, чтобы завтрашний день наступил как можно скорее. Недели бурной исследовательской деятельности в окружении невероятно талантливых сверстников летели быстро; Джеку казалось, что он счастлив, как никогда, и это счастье – высшая награда за прорыв за границу неизвестного – должно было продолжаться и дальше. Но несколько месяцев назад в его жизни вдруг появились *они*, и все изменилось.

Выходя из комнаты, Джек бросил взгляд в зеркало. Синяки надежно скрывала одежда, а легкий кровоподтек на правой скуле можно было объяснить неудачным бритьем. Все не так плохо. Да, и электронная книга Миранды – отдам ей, когда встречу на лестнице...

Это был еще один дар Джека. Эта способность была столь необычна, что он старался скрывать ее, чтобы не казаться психопатом. Он не понимал, как это происходит. Не всегда, но довольно часто он мог совершенно точно предвидеть, что произойдет через несколько минут. Хотя точного отрезка времени, которое он «видел» в будущем, не было: это могло быть от

нескольких минут до нескольких дней и даже недель. В детском саду он всегда точно знал, кто из мальчиков попадет под горячую руку мисс Бэтси, суровой темнокожей воспитательницы, и будет наказан, даже если в момент, когда шалость произошла, его не было рядом. Потом, в школе, он почти всегда точно знал, о чем будет идти речь в классе и кто получит какие оценки в конце урока. Перед экзаменами – нет, он не знал своего задания. Этот дар работал так странно, что не мог облегчить жизнь ему лично. Но почти всегда он точно знал, кто какую оценку получит, включая его самого. Как-то Дайана, улыбаясь, с веселыми чертиками в сияющих глазах после пары бокалов отменного калифорнийского шардоне, пошутила: «Давай ограбим казино Лас-Вегаса! Ведь ты знаешь, что выпадет на рулетке!» Нет, как раз этого он не знал – существовал некий строгий закон, по которому он не мог, а может, не имел права на своем даре предвидения зарабатывать деньги. Но если бы по дороге из казино в отель им угрожали грабители, то Джек непременно заранее «увидел» бы это и пошел бы с ней по другой улице или вызвал такси.

Миранда удивилась, когда Джек протянул ей на лестнице книжку на секунду раньше, чем она его заметила. Миранда нравилась Джеку, но их связывали только приятельские отношения. Родители Миранды Нгуен были вьетнамцами, но она родилась и выросла в Нью-Джерси, пригороде Нью-Йорка, после школы работала в офисе AT&T – крупнейшей в мире телекоммуникационной компании. Миранда имела блестящие способности к математике и увлекалась Big Data – наукой о больших данных, особенно актуальной для интернет- и телеком-компаний. В их архивах, в огромных серверных залах накапливаются немыслимые терабайты информации о действиях клиентов, на основании анализа которых можно было бы каждому предлагать лучший набор услуг специально для него, что приносило бы компаниям в масштабах страны огромные прибыли. Как и Джека, Миранду приняли в МТИ без экзаменов: к моменту поступления у нее тоже были научные статьи и патенты. Джеку нравилось обсуждать с ней *идеи* – неважно, в большой компании

сокурсников или наедине за вечерней кружкой кофе в уютной кухоньке кампуса. В ее тихом голосе, чуть стеснительной улыбке, умных раскосых глазах таилось удивительное восточное спокойствие, словно берущее начало где-то на изумрудных рисовых террасах древней родины ее предков. Но сегодня Миранда спешила – Джек лишь успел ее поздравить с очередной отличной оценкой на экзамене. Он *знал*, что эта девушка сыграет роль в его судьбе в недалеком будущем, но не был уверен, какую именно.

Рядом с главным, похожим на небольшой капитолий с куполом зданием университета сегодня было оживленно. Весна вступала в свои права: несмотря на свежий мартовский ветер, студенты были легко одеты. Проводился день открытых дверей, когда множество учащихся выпускных классов со всей страны могут попасть на бесплатную экскурсию по университету и даже пообщаться со студентами и профессорами. Несмотря на солидный для студента возраст, Джек с его тонкой фигурой и светлыми, немного вьющимися волосами выглядел молодо. Было забавно, когда в дни открытых дверей не знавшие его в лицо второкурсники спрашивали, не хочет ли он узнать об институте больше – очевидно, принимая его за одного из юнцов на десять лет моложе. Джек зашел в столовую: для студентов старшего курса она была бесплатной, при предъявлении бэйджа, а качество еды ее «континентального» стола не уступало ресторанам. До лекции оставался час, и Джек решил позвонить Дайане – поделиться странными событиями этой ночи.

Дайана примчалась в кафе за несколько минут. До поступления в МТИ у Джека не было постоянных девушек, не считая редких интрижек со случайными подругами в вашингтонском колледже – знакомые даже за глаза поговаривали о его нестандартной ориентации. Но Дайана казалась совершенно другой, чем все, кого он знал раньше. Она тоже была студенткой МТИ, но к настоящей науке отношения не имела: училась в школе гуманитарных дисциплин, пятой по важности в институте из пяти. Она хорошо писала, обожала детей и мечтала стать новой Джоан Роулинг. Но

главный талант Дайаны заключался в общении с людьми. Любой парень или девушка из института после разговора с ней на любую тему на следующий день обязательно решал для себя, что нашел в ней лучшего приятеля на всю оставшуюся жизнь, искренне удивляясь тому, что сама она так не считала. Если бы в МТИ проводился конкурс «Мисс университет» (разумеется, его бурному, но обращенному только на интеллект духу такая идея была чужда – скорее, здесь провели бы конкурс на создание самого красивого человекоподобного робота), то Дайане можно было бы отдать победу в нем заранее. Яркая брюнетка с модельной фигурой и большими блестящими черными глазами, к тому же она превосходно танцевала и пела. Ее отец был чистокровным испанцем, мать – из Венесуэлы, и эта гремучая, полная чувственности латинская смесь генов говорила о себе в каждом ее шаге, повороте головы, неотразимой улыбке. В кампусе она старалась держаться как можно скромнее, но со временем у нее появилась толпа поклонников. Как ни странно, Джек, которому в юности в основном нравились нордические блондинки славянского или немецкого типа, при их первом случайном знакомстве (они сидели рядом в столовой, заговорили о музыке и неожиданно выяснили, что список их любимых групп совпадает) на ее внешность почти не обратил внимание. Скорее, он почувствовал в ней человеческую теплоту и тайного единомышленника. Спустя несколько дней Дайана праздновала свой день рождения с подругами в гуманитарном кампусе и пригласила на него Джека – совершенно неожиданно для всех и особенно для него самого. Еще через день состоялось их первое романтическое свидание, они гуляли по оживленным улицам центра Бостона, взявшись за руки. В тот же вечер между ними вспыхнула настоящая страсть: с тех пор они были почти неразлучны.

Глаза Дайаны сначала стали еще огромнее от удивления и озабоченности:

– Ты должен вызвать полицию. У меня плохие предчувствия. *Они* от тебя просто так не отстанут.

– Сначала я хочу понять, кто это и чего они хотят. У меня скоро разовьется мания преследования, но боюсь, что это не болезнь, а за мной и вправду следят.

– Fuck, ну это же Америка, а не какая-нибудь дерьмовая страна третьего мира, где с людьми происходит все, что угодно. Посмотри вокруг – мы же живем в самом спокойном и защищенном месте в мире. Как они вообще тебя усыпили и проникли в твою комнату?

– Я был вечером после встречи с инвесторами в химической лаборатории. Помнишь этот проект с Ли Цзяном из инженерного по поводу жидкостных батарей, аккумуляторов нового типа? В какой-то момент у меня вдруг потемнело в глазах, и я вышел из лаборатории. Следующее, что я помню, – яркие красные мультики в голове, страх, темная пропасть и затем – сегодняшнее утро.

– Да, но кто-то должен был их видеть. Ты проверил сообщения?

– Писем много, я прочел пока только часть. Хотел поскорее увидеть тебя.

Дайана нежно склонила голову к щеке Джека и нежно потрепала ее – но так, чтобы не привлекать внимание соседних столиков.

– Я очень волнуюсь. Прости, мне пора – бегу на лекцию по современной публицистической прозе. У нас будет выступать интересная женщина из... России, кажется. Хотя я не уверена. Она получила недавно Нобель по литературе, хочу с ней поговорить после лекции. Целую, обязательно позвони мне вечером.

Глядя на ее удаляющуюся стройную фигуру, Джек подумал, что он точно знает, что Дайана станет его женой, у них будет семья. Но все это стояло перед его глазами как в дымке. Видимо, только при условии, что он доживет до этого момента.

После лекции Джек вернулся в свою комнату, погружившись в мрачные мысли, стараясь понять, что из выкачанного ночью содержимого его компьютера могло их заинтересовать. Уж точно не папка с коллекцией нелегально скачанных эротических фильмов, оставшаяся у него со времен колледжа. Материалы лекций, его собственные заметки к ним, примерно тысяча закладок на научные

сайты, десять тысяч электронных писем – ничего особенного, все как у всех.

Значит, их интересуют коды... Или, точнее, его работа над ними.

После небольшого ужина, когда студенты каждого этажа Симмонс-холла собираются вместе, чтобы обсудить за едой лекции прошедшего дня и *идеи* (эти вечерние мини-сессии являлись частью учебной программы), Джек спустился в комнату к Биллу. Билл Хавличек, жизнерадостный канадец (видимо, как и многие его соотечественники, с украинскими корнями), внешне был, скорее, похож на успешного менеджера по продажам или связям с общественностью, чем на одного из лучших молодых программистов выпускного курса университета. Джек с Биллом и Доном (американцем из состоятельной семьи, тоже будущим программистом) работали над системой криптографии нового поколения, основанной на квантовых технологиях. Это был далеко не единственный проект Джека, но в последние месяцы он много занимался именно им.

– Я сегодня целый день просидел над этими квантовыми алгоритмами на главном компьютере, – устало улыбнулся Билл. – Если все пойдет как надо, через пару месяцев код будет готов.

– Этой ночью у меня кто-то был.

– Везет же тебе. У меня уже месяц не было ни одной крошки, совсем нет времени и сил.

– Блин, мужик, я серьезно. Вчера вечером потерял сознание, утром проснулся в синяках, комнату кто-то обыскал, рылся в моем ноуте и телефоне.

– Ты уже сдал анализы?

Джек чуть не застонал. Ну каким же он был сегодня тупицей! Конечно, если его усыпили, он должен был выяснить хотя бы, что именно в него впрыснули.

– Старик, я позвоню Маргарет из отделения биохимии. Она как раз работает над системами быстрых тестов. Зайди к ней, она возьмет кровь, а завтра утром ты все узнаешь. Надеюсь, она не

выявит у тебя триппера, а то будет как-то неудобно... И кстати, я целый день не могу дозвониться Дону. Позавчера он обновил в системе несколько старых паролей, без них я так и не смог войти в основной блок программы.

Маргарет жила в старом кампусе, на той стороне реки. Было уже поздно, приморозило, на мосту скользко. Сам мост считался достопримечательностью университета – лет пятьдесят назад, хохмы ради, его измерили длиной роста одного из студентов по фамилии Смут. Смут ложился на мост, его сокурсники отмечали длину, затем он вставал и ложился снова, отмеряя собой следующий отрезок длины. Говорят, что довольно быстро Смуту все это надоело, он громко чертыхался, но не мог подвести товарищей. Каждые десять смутов отмечались синей краской, а общая длина моста оказалась равной 364 смутам и одному его уху. С тех пор всякий раз, когда мост красили или ремонтировали, старые отметки смутов бережно восстанавливались. Смут был невысок – его рост составлял около метра семидесяти: когда компания Google, где работает множество выпускников МТИ, для картографирования земного шара составляла список самых распространенных в мире единиц измерения, «смут», разумеется, вошел в их число.

После визита к Маргарет Джек решил отправиться пешком домой к Дону. Тот все еще не отвечал на звонки, но ночевал всегда у себя. По правилам института учащиеся должны жить в кампусах, но для некоторых старшекурсников администрация по их просьбе делает исключения. Дон был одним из немногих, кто снимал дорогую просторную квартиру в центре Бостона на Бойлстон-стрит, недалеко от Центрального парка, по соседству с шикарным отелем Four Seasons. Квартира Дона нередко использовалась как место для мальчишеских вечеринок, особенно в субботу вечером, после массового посещения пивных баров. Сам Дон был вегетарианцем, вечеринки не любил и объяснял выбор места жительства тем, что здесь ему было легче решать вопросы бизнеса. Злые языки утверждали, что он жил здесь из-за своей не в меру капризной

подруги с факультета журналистики Бостонского университета, так же, как и Дон, из очень богатой семьи. Студенты Гарварда и МТИ, которые уже много лет как монополизировали первую и вторую строчки мирового рейтинга университетов, к соседнему Бостонскому университету с его «всего лишь» тридцатым рейтингом в мире относились как к месту, где учатся люди, вероятно, имевшие серьезные проблемы с грамматикой и устным счетом еще в начальной школе.

В двух кварталах от дома Дона Джека пронзило «то самое» чувство. Он точно понял, что увидит в его квартире, и его зашатало – то ли от ужаса, то ли от тошноты. Подниматься по лестнице не имело смысла, если только он не хотел потом всю ночь провести в полицейском участке, давая свидетельские показания. Минут через десять прикрытое простыней тело Дона вынесли на носилках в микроавтобус «Скорой помощи». Дженни, его подруга, шла сзади, всхлипывая и обхватив голову руками. Трое полицейских в черной форме сопровождали ее, один из них что-то громко говорил по рации.

На следующее утро стало известно, что Дона нашли умершим от острого алкогольного опьянения. Это было более чем странно, так как он почти никогда не пил, каждый год пробегал Бостонский марафон. В доме не было найдено пустых бутылок, и его не видели ни в одном из окрестных баров. В МТИ был громкий скандал. Заместитель декана факультета, лично разрешивший Дону жить вне кампуса и, как выяснилось, друг его родителей, был вынужден уволиться. С Джеком полиция также пообщалась, но разговор получился коротким и довольно формальным.

Анализы самого Джека показали наличие в его крови редкого сильного психотропного препарата, в состав которого в том числе входили марихуана и мескалин (вытяжка самого галлюциногенного мексиканского кактуса). Это вещество, известное как «сыворотка правды», сначала заставляет человека безудержно говорить, находясь в полубессознательном состоянии, а затем стирает из его

памяти то, что с ним что-то вообще происходило. Джеку пришлось рассказать Маргарет о том, откуда в его крови взялось это вещество, и, так как анализ был сделан в студенческой, а не официальной лаборатории, уговорил ее никому не рассказывать об этом случае.

Дон участвовал в проекте Билла и Джека по криптографии как будущий администратор, который благодаря связям родителей в Бостоне и Нью-Йорке, а также собственным друзьям из Google мог быстро организовать коммерческую сторону проекта. Очевидно, что *им* он был не нужен, а от Джека и Билла *они* хотели чего-то еще, помимо того, чтобы программа, которую они писали, как можно скорее исчезла. Но что это было?

Джек не сомневался, что скоро он это узнает, хочет он этого или нет.

Глава 3

Великая депрессия, или Как заставить весь мир голодать

*Сэндс Пойнт (Лонг-Айленд), Нью-Йорк,
28 июля 1929 года*

– Вы действительно думаете, что момент настал и пора повернуть реку вспять?

Томас Ламонт, президент банка J.P. Morgan, джентльмен с безукоризненными манерами, в светлом костюме-тройке, с располагающим к себе лицом и благородно серебриющимися висками, был рад, что в этот момент его могли слышать лишь несколько человек.

Джозеф Кеннеди, ирландский бизнесмен с неоднозначной репутацией, сколотивший капитал на контрабанде спиртного в первые годы сухого закона, но затем удачно «отмывший» и приумноживший его на бирже, бушевал от эмоций:

– Чертово сумасшествие на рынке. Десять лет непрерывного роста. В прошлом году экономика впервые с окончания войны пошла вниз, все цены упали, но акции вместо снижения взлетели до небес. Домохозяйки, фермеры, грязные чистильщики обуви, сброд со всех Штатов залезли по уши в кредиты, принесли свои деньги на биржу, и акции продолжают расти. Только за последние две недели – рост десять процентов. Вчера я продал все мои акции, на сорок миллионов долларов, а рынок от таких продаж не снизился ни на цент. Безумие... Пора перекрывать вентиль. Хватит веселья на пустом месте для бездельников.

Присутствующие в курительном зале роскошного замка, кажется, не были расположены к легкой, непринужденной беседе – в жарком, душном летнем воздухе висело напряжение, хотя никто не решался сказать вслух то, что слетело с уст горячего ирландца. Все взглянули

на человека, который должен был сказать веское слово в этом разговоре. Но Бернард Барух, тайный король Уолл-стрит, а также вполне официальный финансовый советник и правая рука нескольких президентов США, предпочел переменить тему:

– Прекрасный коньяк. При этом мы, добропорядочные американцы, не нарушаем закон, когда смакуем его. Запрет касается только производства, перевозки и продажи алкоголя. Пить свое – то, что хранилось в домашних погребах еще до закона, – не возбраняется. Старина Вудро Вилсон десять лет назад, по моему совету, внес в текст такую поправку. А этому янтарному чуду из погребов Hennessy – лет пятьдесят, не меньше?

О том, что Барух является соавтором всех важных законов, принятых конгрессом США в последние двадцать лет, знали, конечно, все, но про его поправку к сухому закону многие услышали впервые и, конечно, одобрительно заулыбались.

Хэмпстед Хаус, почти точная копия одного из старинных ирландских замков, был построен на самом дорогом участке земли в стране – мысе Сэндс Пойнт, северной оконечности острова Лонг-Айленд. Через Гудзонов пролив от него открывался восхитительный вид на фешенебельные районы и деловые кварталы Западного и Южного Манхэттена. Рядом с замком было разбито огромное поле для гольфа. Внутри особняк еще сильнее поражал своим богатством: на первом этаже находился орган, обитый красным деревом: акустика в доме была спланирована так, чтобы органная музыка мягко звучала во всех его частях. Стены залов украшала изысканная, дорогая коллекция картин: от французского реализма начала XIX-го века до новомодного абстракционизма века XX-го. Десятилетия спустя брат владельца замка – промышленника Даниэля Гуггенхайма – Соломон Гуггенхайм подарит коллекцию живописи государству, основав в Нью-Йорке всемирно известный музей своего имени. На полах замка лежали восточные ковры тончайшей работы, в огромной застекленной оранжерее были собраны десятки видов пальм, вокруг которых летали яркие тропические птицы. Немногие

королевские дворцы Старого Света могли сравниться с особняком на мысе Сэндс Пойнт по своей кричащей роскоши.

На нижнем этаже замка царило оглушительное веселье. Гостей созвали по случаю дня рождения Ирен Гуггенхайм, любимой внучки хозяина поместья. Ей исполнялось семнадцать – возраст, когда девушке пора искать достойного жениха. Золотая молодежь Нью-Йорка – дети банкиров и их подружки, одетые в золотистые короткие платья с бахромой, удачливые биржевые дельцы и просто лица, мелькавшие на всех важных светских вечеринках, гуляли так, что вряд ли когда еще в истории можно было видеть нечто подобное. Шампанское лилось рекой, модницы танцевали фокстрот под грохочущую музыку так самозабвенно, что их время от времени выносили с танцплощадки почти без сознания. Придя в себя, они доставали из сумочек щепотку белого порошка, делали вид, что пудрят им носик, и затем снова вливались в бешеные пляски, при случае обмениваясь со знакомыми и незнакомыми мужчинами и девушками страстными объятиями и поцелуями. Развлекать публику в этот вечер были приглашены самые модные черные джаз-банды Гарлема: заводной, с белозубой улыбкой, божественно импровизирующий на трубе Луи «Сатчмо» Армстронг, маэстро дирижер Дюк Эллингтон, пианист Каунт Бейси и другие. Вечеринка должна была грохотать до утра: ничто молодые люди этого поколения не умели делать так хорошо, как от всей души веселиться – исступленно, забыв обо всех устоях, нормах и приличиях, до последней искры сил и как в последний раз в жизни...

«Ревущие двадцатые» стали, вероятно, самой яркой и бурной эпохой за всю историю Америки. Первая мировая война была не только трагедией Европы, но и тяжелым временем для США: страна, отягощенная военным производством и высокими налогами, вышла из нее обессиленной и даже с более строгими нравами, чем раньше. Но в 1920-х начался невиданный экономический подъем. Промышленность США впервые в истории обогнала по технологиям и объемам производства Европу, став главным мировым

экспортером. Доллар вытеснил фунт, превратившись в доминирующую мировую валюту. Эмиграция в процветающую Америку ведущих ученых каждый год приносила россыпь открытий и новых чудесных устройств, мгновенно внедрявшихся в быт. Некогда единичные автомобили благодаря конвейеру Форда выпускались теперь миллионами в год и стоили так дешево, что их мог купить любой человек с постоянной работой. В каждом доме появились радиоприемники, холодильники, стиральные машины; до самых удаленных уголков добралось электричество. Звуковые фильмы пришли на смену немому кино: каждый американец теперь ходил в кинозал не реже раза в неделю. Открытие товарооборота по Панамскому каналу наконец тесно связало восток и запад США: в Калифорнии и на Среднем Западе города росли как грибы. Радикально изменились мода, стиль одежды, в архитектуре царил смелый стиль ар-деко. Впервые в истории возник настоящий бум потребления: люди уже не заботились только о выживании, а мечтали перепробовать все, не оставшись чужими на празднике жизни. Уверенные в будущем американцы брали кредиты, раз в десять превышавшие их доходы. Долги никого не тревожили: настала долгожданная эпоха благоденствия, и дальше все будет только лучше.

Лишь узкая, не известная публике группа людей, в которую даже не входили президенты США, понимала, откуда возникло все это «благоденствие». После закона 1913 года Америкой управляла всемогущая Система федерального резерва. И эта Система имела четкий план. В прошлом, когда финансы страны контролировало государство, о выпуске необеспеченных денег не могло быть и речи. Но теперь печатный станок оказался в частных руках: проверить соответствие золота и напечатанной денежной массы не мог уже никто. С начала двадцатых годов Система стала единым огромным механизмом по выдаче кредитов всем желающим. Постоянный мощный приток денег напитывал страну, создавал бум промышленности. Но главной целью была биржа. Если раньше на

акциях играли только банки и немногие спекулянты, то теперь открыть счет и получить кредит на покупку акций мог любой человек с улицы. По мере быстрого роста в игру включилась вся страна – в акции вкладывались даже посыльные мальчишки, уборщики улиц и домохозяйки. Летом 1929 года рынок акций, впитавший к этому моменту уже почти все деньги страны, достиг пика.

Ирен Гуггенхайм, виновница торжества, старалась спрятаться от шума вечеринки. Она была скромной, воспитанной и даже стеснительной девушкой, хоть и из богатой семьи. Получив подарки и поздравления, она поспешила уединиться в спальне, чтобы там поболтать с лучшими подругами. Правда, те вовсе не были стеснительными. Вильма, дочь голландского иммигранта, сколотившего состояние на морских перевозках, была типичным флэппером. Ревущие двадцатые раскрепостили женщин как никогда еще в истории, а молодые девушки, особенно в таком городе, как Нью-Йорк, и вовсе стали жить, презирая любые условности. Вильме было всего девятнадцать, но она уже давно чувствовала себя зрелой и независимой. Сигареты, нелегальные питейные заведения, короткие юбки, развязные вечеринки, парни на одну ночь. Такую подругу, как Вильма, и на милую бы не подпустили к Ирен, если бы пароходы ее отца не перевозили железную руду, добываемую компаниями Гуггенхаймов, во все части света. Другая подруга, Джоан, держалась более воспитанно, но недотрогой нельзя было назвать и ее – больше всего она обожала вечеринки в стиле Гэтсби, носила дорогие модные платья, вышитые бисером и золотыми нитями, с глубокими вырезами на спине, светлые шляпки-клош, ярко красила губы. Джоан мечтала уехать в Голливуд и стать великой актрисой – прошлым летом она была с родителями в Калифорнии, где даже получила пару эпизодических ролей в фильмах немого кино.

– Цыпа, ну не будь такой скучной. В твоём возрасте я уже давно не была девственницей. Ты даже не представляешь, как классно быть с мужиком... особенно если он твердый во всех местах. –

Вильма рассмеялась нарочито вульгарно, как ей нравилось. – Знаешь, что я делала прошлой ночью? Сначала мы с моим тигренком Биллом – помнишь, я рассказывала? – пошли в клуб его босса, голландца Шульца. Говорят, Шульц заработал уже миллион баксов на нью-йоркских Спикизи. Ирен, объясняю для наивных целок: это бары, в которых такие, как ты, заходят днем и заказывают какой-нибудь сок. Но вечерами там другая публика: если ты шепнешь официанту кодовое слово, тебе принесут любой виски – шотландский, канадский или ямайский ром. Полдоллара за чайную чашку. За ночь народ выпивает столько, что утром уборщики часами оттирают все стены и туалеты бара от блевотины. Билла там знают, и нам принесли какой-то классный дринк. Через три чашки меня от него унесло: помню только, что я потом долго танцевала на сцене фокстрот с задранной юбкой, а после меня кто-то на руках отнес в туалет и классно там поимел. Может, Билл, может, кто-то из его друзей – какая, на хрен, разница? Короче, было реально круто. В пять утра меня довели домой на шикарном светлом «Бьюике». Только родителям не рассказывай – меня мои убьют, а твои запретят нам общаться.

Ирен покраснела, но старалась не подать виду. Джоан, тоже опытная, хоть и юная девушка, неодобрительно фыркнула:

– А мне кажется, это глупо. Если с кем-то спать, то чтобы польза была. Следующей весной, когда у меня еще больше вырастет грудь, я поеду в Голливуд. Но уже по-серьезному. Там куча продюсеров, владельцев киностудий, агентов. Знаешь, как сделала карьеру Грета Гарбо? Говорят, что она спала там не только с мужиками, но и с женщинами. Нет, она реально крутая и как актриса, и как цыпа, но как еще пробиться наверх шведской иммигрантке? Я готова быть такой же – поимею хоть весь Голливуд, лишь бы только получить главную роль...

Джоан была хороша собой – высокая, со стройной фигурой и томным чувственным взглядом. Ирен вздохнула:

– А меня просто отдадут за какого-нибудь сыночка банкира. Чтобы семейный капитал не расплылся, а приумножался. У меня и не спросят. А если потеряю девственность до свадьбы, с позором отошлют в женский пансион, где я буду гнить до конца моих дней.

В душе Ирен завидовала свободе подруг, но понимала, что они специально рассказывают, чтобы позлить ее. Вильма слегка обняла ее:

– Не кисни, цыпа. Давай пойдем потанцуем. Здесь есть богатые мальчики, которых пригласили специально одних, без подруг. Узнав, что ты живешь в этом замке, эти кобели до утра наперебой будут за тобой ухаживать. А в конце еще кто-нибудь тебе признается в любви! Вот это будет ржач! Заодно попробуешь спиртное, твои родичи же разрешили сегодня. Только сразу много не пей, а то тебе станет плохо...

Иногда подруги Ирен были настоящими подругами.

В комнату осторожно постучала гувернантка. Очевидно, глава семейства беспокоился о долгом отсутствии именинницы.

– Девочки, пошли. Вильма, хорошо, что ты сегодня в приличном платье. Успокою деда, побуду за своим столом. Не знаю почему, но мне плохо, у меня кошмарные предчувствия. Весь день жара, духота, эти безумные танцы. А еще отец зачем-то пригласил банкирский высший свет, они, наверное, сейчас на третьем этаже, в бильярдной. Мне снилось сегодня под утро, что наш дом захватила нечистая сила, поднимающаяся до самых небес. Там она превратится в черный ураган, который обрушится на всю страну от западного берега до самого Нью-Йорка. Эта тьма подхватит и расплющит все эти деревянные фермерские домики в жуткой глуши. Я видела умирающих от голода плачущих костлявых детей, женщин, которые смотрят на меня, а их глаза... пустые, словно дырки в черепе. И кто-то из них протягивает руки – то ли просит о помощи, то ли хочет, чтобы я умерла вместе с ними тоже... А мужчин не было вообще, не знаю, куда они делись. И все вокруг в черной, мерзкой пыли, от которой ни для кого нет спасенья. Девочки, этот сон... ужасный

кошмар, и при этом такой реальный – как будто я даже сама в чем-то виновата. Мне сегодня дурно целый день...

Стук повторился более настойчиво. Ирен и подруги встали, приняв вид благопристойных девушек. Сегодня был праздник Ирен, и она была обязана выйти к гостям...

Пока в нижнем зале грохотал джаз, двое гостей – молодых людей с бокалами – вышли в пустую оранжерею освежиться и поболтать. В свои примерно двадцать пять лет оба уже работали старшими клерками в National City Bank, быстро сделав там карьеру. Один из них, уже заметно разгоряченный, был крайне доволен собой:

– Еще несколько лет, и мы станем охренительно богатыми... Все растет, мой портфель акций уже стоит под сорок тысяч – только представь. Я набрал еще кредитов и взял на все деньги акции US Steel – говорят, этой осенью они взлетят еще втрое. А недавно взял в кредит новый «Понтиак», шестерку. Тачка – охренеть можно. Все пташки Бруклина открывают рот, когда видят, как я подъезжаю на ней к дому матери по субботам. Вот это жизнь... Не понимаю, зачем вообще на хрен жениться, если каждую неделю в клубе можно задаром заводить себе новую куколку.

– Смотри на ком. Вон эта Ирен – чуть толстовата, конечно, и какая-то забитая, наверно, предки держат в строгости, но все это – мелочи и дело вкуса. Представляешь – ты утромходишь в блестящем халате в эту оранжерею и спокойно так писаешь, слушая гомон райских птичек, прямо в этот бассейн. А кто тебе может что запретить, если ты муж наследницы Гуггенхаймов?

Парни громко захохотали, заставив птиц на мгновение примолкнуть.

– А мой отец до сих пор горбатится на своей ферме в Оклахоме. Представляешь, пашет, как раб, четырнадцать часов в сутки, руки у него такие мозолистые, что о них можно сигару затушить – он ничего не почувствует. В свои сорок пять уже выглядит на шестьдесят. И имеет за это в год всего три штуки после всех счетов и налогов. А здесь, на Уолл-стрит, любой бомж может прийти с улицы,

взять кредит и заработать на акциях столько же, не делая руками ничего... ну, или только кое-что, если у него нет подруги. Правда, с такими деньгами подруга быстро появится...

Парни снова захохотали, старый бурбон в их бокалах закончился, и они решили вернуться в зал, где их приятели, давно сняв пиджаки, в лоснящихся от пота крахмальных сорочках отплясывали, прижимая к себе девушек куда более вольно, чем в начале вечера.

Ирен думала, что ее попросят спуститься к веселящейся публике, но горничная проводила ее наверх, в бильярдную. В этой роскошной комнате с несколькими столами с зеленым сукном и шарами из слоновой кости самым примечательным был, пожалуй, потолок – с крупными золотыми пластинами в форме лепестков сказочного цветка. Стены обиты красноватой кожей ручной выделки, в конце комнаты висели два огромных персидских ковра – стародавний подарок деду от британской палаты лордов, где у него в молодости было немало друзей.

Даниэлу Гуггенхайму уже за семьдесят, он сильно сдал, с трудом передвигается. Сейчас он сидит в своем любимом кресле, вокруг него – сиятельное общество знаменитых банкиров. Старик чувствует, что его дни сочтены, и хочет представить любимую внучку высшему свету, заодно сделав широкий жест.

– Дорогая, подойди ко мне. Господа, это Ирен. Она очень умна от природы и к тому же благодетельная девушка: взяла и по моей линии, и от матери только лучшие качества. Пока Ирен не замужем. Милая, ты теперь взрослый человек, сама решаешь свое будущее. Сегодня тебе исполнилось семнадцать. Я решил сделать тебе подарок – от всей души, конечно. Утром, пока ты спала, я съездил в банк, открыл счет на твое имя и перевел на него ровно семнадцать миллионов долларов, по миллиону за год твоей жизни. Да, это почти все мое состояние. Ты – моя главная наследница.

Ирен, кажется, была готова потерять сознание.

– Семнадцать миллионов? Да что же мне с ними делать, дедушка?

– Что хочешь. Но ты должна быть мудрой, ведь в твоих жилах течет кровь нашего народа. И ты с детства была разумной девочкой. Подойди, я поцелую тебя.

Нежно обняв деда, Ирен задумчиво произнесла:

– Я вложу их в акции. Акции ведь всегда растут...

Она подняла голову на собравшихся в бильярдной, ожидая услышать безусловную поддержку этой вроде бы самой естественной для банкиров идеи. Но, к ее удивлению, реакции не последовало: только сосредоточенные лица и молчание.

– Спасибо, бабушка, я пойду, – прошептала Ирен и, совершенно смутившись, почти потрясенная выбежала из комнаты.

Общество любителей книг

Двумя часами позже, когда солнце уже село где-то далеко за домами Манхэттена на том берегу, около десяти самых важных гостей вечера, среди которых не было удалившегося ко сну хозяина поместья, собрались в библиотеке, считающейся изысканнейшим залом Хэмпстед Хауса. Интерьер библиотеки представлял собой точную копию библиотеки при дворе Якова I, блистательного английского короля начала XVII века, большого поклонника литературы. На ее полках хранилась коллекция из более чем тысячи фолиантов, некоторые из них существовали в мире только в одном экземпляре.

Томас Ламонт, которого Джон Пирпонт Морган еще при жизни считал одним из самых перспективных молодых сотрудников своей империи, теперь находился в расцвете лет и возглавлял крупнейший частный банк страны. С присущей ему легкой иронией он начал разговор, зреющий в высших банкирских кругах уже много месяцев:

– Итак, Джозеф, то есть господин Кеннеди, днем вы нам успели сообщить, что крайне выгодно сбыли свой огромный пакет акций и ждете не дождетесь теперь, чтобы рынок рухнул к чертовой матери

так глубоко вниз, чтобы вы смогли выгодно зайти в него снова по копеечным ценам спустя какое-то время? Правильно ли я передаю суть вашей блистательной идеи?

Слова банкира балансировали на грани грубости и насмешки, но, во-первых, это был частный разговор, во-вторых, он знал, что все думают примерно о том же. И, наконец, он мог себе это позволить. Затем он с подчеркнутым уважением повернулся к невысокому джентльмену с усами, совершенно облысевшей головой и нездоровым, землистым цветом лица, который до этого молчал, сидя в углу и глядя в пол. Он был похож на грустного, постаревшего немецкого инженера.

– Господин Варбург, вы когда-то были творцом Системы, стоите ближе к ее истокам, чем любой из нас. Когда-то вы «продали» идею Системы конгрессу, гарантируя, что Америка навсегда забудет о том, что такое финансовые кризисы. Все последнее десятилетие Система печатала деньги, то есть выдавала кредиты под самые низкие ставки всем желающим – как машина, без перебоев. Акционеры Системы – все уже давно долларовые миллиардеры, их капиталы таковы, что обычный человек даже не может себе их представить. Но в то же время количество долларов в обращении сейчас в десятки раз превышает золотой запас страны, оно даже больше, чем стоит все богатство нации. Пора нажимать на курок, иначе однажды утром все проснутся и поймут, что доллар больше ничего не стоит. И тогда Система уничтожит саму себя, чего нельзя допустить.

Пол Варбург ответил после достаточно долгой паузы:

– Это надо было делать еще в двадцать седьмом – вспомните, я предупреждал, говорил всем, тогда бы не было того ужасного краха, который будет сейчас. Но вам было мало денег, хотелось еще и еще. Что ж, момент действительно настал. Но я не хочу и не буду теперь отвечать за все это. Я честный, порядочный банкир, а не убийца миллионов.

Ламонт вздохнул. Да, все они в душе всерьез считали себя порядочными, добродетельными людьми, несущими обществу

пользу и процветание. Но когда портфель инвестиций твоего банка растет на двести миллионов долларов каждый месяц, прекращать это... выше чьих-либо сил.

– Господа, нам нужно все спокойно взвесить. Также необходим скоординированный план действий. Сообщаю вам, что вчера я получил личное письмо от президента Гувера. Он пишет, что обеспокоен слишком бурным ростом акций, кредитов, всего этого потребительского изобилия, и приватно спрашивает меня, есть ли у него повод для беспокойства. Да, Хардинг был идеалистом, Кулиджа можно было дешево купить с потрохами – за сотню тысяч он был готов подмахнуть любую бумажку или законопроект. Но Гувер – хитрая лиса, у него хорошая интуиция и много преданных людей. С ним придется договариваться по-серьезному – я говорю о сотнях миллионов. Без согласия Гувера Система может не выжить после большого краха, конгресс отменит все ее полномочия. Но пока, чтобы спокойно начать диалог, я просто отвечу ему официальным письмом: напишу, что беспокоиться не о чем – Америку ждет прекрасное будущее.

Эндрю Меллон, министр финансов США, незаконно сколотивший многомиллионное состояние на этом посту, был своим в этом обществе. Худой седой джентльмен походил на старого строгого школьного учителя, любившего пройтись розгами по спинам учеников. Он вошел в историю фразой «джентльмены предпочитают облигации». Федеральное казначейство США и в самом деле покупало облигации Системы на миллиарды долларов, раздувая пузырь долгов.

– Сценарий очень простой. В какую-то неделю – лучше осенью, так как последний кризис 1907-го также случился осенью, – все банки Нью-Йорка без объяснений потребуют от клиентов вернуть все кредиты в 24 часа. Девяносто семь процентов игроков на бирже сейчас сидят по уши в кредитах. Сначала они подумают, что это какая-то ошибка или даже шутка. Им вежливо объяснят, что нет. Тогда они будут вынуждены срочно продавать все свои акции, и

рынок мгновенно рухнет, как прогнивший деревянный навес. Под залог акций сейчас покупаются две трети домов. Их владельцам также придется задаром вернуть их банкам. Затем в ход пойдет все, что угодно – вплоть до последней одежды, если она, конечно, будет еще что-то стоить.

Меллон сделал многозначительную паузу, отпил из стакана глоток кипяченого молока и снова продолжил:

– При этом замечу, что я не испытываю никаких угрызений совести. Я начал работать в поле, когда мне было всего девять лет. В шестнадцать, после школы, я уже вкалывал круглыми сутками: за прилавком магазина отца, подручным в банке, по выходным и ночами разгружал вагоны с углем – свежий кусок хлеба был за счастье. А этим бездельникам (он указал куда-то вниз, откуда все еще доносилась музыка) все приплыло в руки. Пусть теперь тоже поработают и поймут, что почем.

Бернард Барух, словно показывая выражением своего лица – ну уж, если сам министр финансов страны так считает, что тут поделаться, – тоже взял слово:

– Я ожидал, что сегодня будет такой разговор. Меня, признаться, тоже не беспокоит кучка из нескольких миллионов разорившихся идиотов. Открывая счет акций, они подписывали бумагу, в которой говорится, что вложения в акции несут в себе высокие риски. Так что это их проблемы. И все же, господа, когда крах произойдет, каждому из нас надо во что-то инвестировать капиталы. Я понимаю, что это крайне деликатный вопрос, но сегодня особый случай – все темы открыты.

Джозеф Кеннеди, самый молодой из присутствующих, пожал плечами:

– Снова вложусь в акции, когда они будут стоить раз в десять дешевле. Еще куплю пару киностудий в Калифорнии. И бизнес хороший, и все перспективные актрисы пройдут тщательный и строгий профессиональный отбор на главные роли через мою

постель. Вкус у меня хороший, за красоту героинь будущих фильмов наша великая нация может не волноваться.

Пошлый, сальный, но правдивый ирландский юмор резанул слух банкиров, но вида никто не подал. Томас Ламонт также решил ответить:

– Мой гений и величайший учитель Джон Пирпонт Морган говорил, что самый надежный актив в мире – это золото. После того как цены на все рухнут, золото – единственное, что вырастет в цене. Американцы бросятся скупать золото на последние наличные деньги. Но купить его будет трудно – большая часть золота Америки к тому времени уже окажется в сейфах банков National City и J.P. Morgan. Возможно, мы также скупим часть золотых запасов европейских стран.

Министр финансов Меллон удивил присутствующих больше всех:

– Господа, я не должен, конечно, об этом говорить, но если уж все так откровенны... В прошлом году я был в составе делегации министров в Советской Республике, в Москве. Во время секретной встречи Сталин жаловался, что им жизненно необходима валюта, а мы готовы покупать только советский хлеб, и что этого слишком мало, чтобы большевики удержали власть... У меня готово тайное соглашение с Советами, по которому я куплю у них больше сорока знаменитых картин европейских классиков живописи из запасников Эрмитажа на двадцать миллионов долларов. Ван Эйк, Рембрандт, Рафаэль, Тициан. Это вложение – даже лучше золота, поверьте. Но никто – ни у нас, ни у Советов – не должен знать об этой сделке.

Барух кивнул. Его кивок был наилучшей гарантией, что в Америке об этом теперь действительно никто не узнает.

– Ну а вы, Пол? – Барух обратился к Варбургу. – Хотя у вас совсем небольшая доля в Системе, но вы представляете важную часть ее владельцев (Ротшильды редко бывали в Америке в то время). Кроме того, вы – самый умный и профессиональный банкир, которого я когда-либо знал.

– Брошу все к черту. Уеду домой, в Германию, куплю там небольшое поместье на юге и буду до конца дней своих молиться за величайший грех – за то, что я создал частный Резерв, этого монстра. Но не ведаю, будет ли мне даровано прощение.

– Что ж, знайте, по крайней мере, что вы – великий человек, и я, как и другие акционеры Системы, сочту за честь выполнить абсолютно любую вашу просьбу, если вам что-либо будет нужно.

Около полуночи высокие гости Хэмпстед Хауса начали разъезжаться. Они садились не в черные золоченные кареты, как двадцатью годами ранее, а в роскошные лимузины с водителями и охранниками, которые могли мчаться по Нью-Йорку со скоростью больше пятидесяти миль в час.

Уходя, Бернанд Барух почтительно поклонился, пожал руку и улыбнулся почему-то заплаканной юной Ирен Гуггенхайм. А затем сказал ей тихо, на ухо, несколько фраз, стоивших в тот момент больше, чем гора золота:

– Ирен, вы очень хорошая, добрая девушка. Послушайте мой совет. Ни в коем случае не вкладывайте наследство вашего деда в акции. Рынок акций – это место, где царят недобрые силы. Просто храните деньги на текущем счете в банке National City. Это надежный банк. До свиданья.

Великая депрессия длилась намного дольше, чем банкиры, организовавшие биржевой крах (или как минимум сильно способствовавшие ему), могли вообразить. Десять лет, до конца 1930-х, страну без конца штормило. Самый тяжелый период пришелся на первые четыре года кризиса. В среду 23 октября 1929-го банки Нью-Йорка одновременно потребовали от своих клиентов немедленного возврата всех долгов, на что по закону имели право. 24 октября вошло в историю как Черный четверг. На открытии биржи было столпотворение брокеров, простые люди также заполнили Уолл-стрит, но в это утро все до единого держали таблички с надписью «продаю». Покупателей не было, и цены как снежный ком устремились вниз. Падение котировок длилось с

перерывами более трех лет, и в нижней точке кризиса, в 1933-м, все акции стоили в десять раз дешевле, чем на пике, в 1929-м. Через неделю после Черного четверга финансовая система США впала в ступор, хотя банкиры и пытались делать вид, что они что-то предпринимают для борьбы с кризисом. К началу следующего года обанкротились тысячи мелких банков. В стране не было денег, встало почти все производство, люди по всей Америке начали голодать. Десятки миллионов хозяйств разорились, несколько миллионов людей, в основном в глубинке, где у властей даже не было средств на бесплатные супы, умерли в страшных муках от голода в еще вчера такой сытой Америке. На следующий год кризис перекинулся в Европу, где бушевал несколько лет, став причиной голода огромного количества людей, от южного побережья Франции до русского Поволжья. На фоне тотального кризиса к власти в Германии пришли нацисты, обещавшие с ним покончить. Перемены к лучшему в мировой экономике стали ощущаться лишь к середине 1930-х, но скоро нависла новая угроза – еще одна великая война.

Система сделала свое дело и понемногу вновь пошла вверх, на новый этап обогащения ее никому не известных владельцев.

Глава 4

Нюансы восточного гостеприимства

Сингапур, наши дни

Двухпалубный аэробус «А-380» «Сингапурских авиалиний» через пару часов должен был приземлиться в международном аэропорту Чанги. Этот самолет был долгожданным подарком для миллионов авиапассажиров, путешествующих между крупнейшими городами мира. Построенный еще в далеких шестидесятых и переживший затем бесчисленное множество модификаций, старина «Боинг-747» целых сорок лет – вечность по меркам современных технологий – оставался единственным гражданским самолетом, способным перевезти пятьсот и более пассажиров с полным комфортом из одного аэропорта в другой. Мир беспрестанно менялся: свой первый, а затем и последний полет совершил сверхзвуковой, но оказавшийся слишком дорогим англо-французский «Конкорд», компьютеры стали производительнее в миллионы раз, но ничего лучше «747-го» по непостижимой причине авиастроители создать не могли. И лишь по истечении десяти лет нового века многострадальный, превысивший все сметы стоимости и едва не обанкротивший Airbus красавец «А-380» наконец встал на крыло, ознаменовав собой новую веху в авиации. Пятьсот человек на его борту теперь вообще могли забыть о том, что они находятся в воздухе. Широкие проходы, просторные удобные кресла, барная стойка между салонами, идеальный воздух, отсутствие шума и воздушных ям, ослепительно улыбающиеся восточные стюардессы, отобранные на национальных конкурсах красоты. Лететь на таком самолете из Лондона в Сингапур шестерым студентам Массачусетского технологического института даже в экономическом классе было удовольствием. Разумеется, настоящая роскошь – раскладывающаяся постель и душ в апартаментах первого класса –

пока им была недоступна. Но для Джека и его друга Билла Хавличека подобные удобства показались бы даже чрезмерными. Единственное, что их сейчас интересовало, – это быстрый Интернет, с недавних пор доступный пассажирам на протяжении всего полета: технологическое новшество, еще недавно почти немыслимое.

Перед защитой диплома выпускники МТИ в последние годы все чаще отправлялись в технологические полисы Азии. Администрация института всецело поддерживала и даже частично финансировала подобную практику обмена «научным опытом». Хотя ни для кого не было секретом: главной причиной этих путешествий было даже не обогащение знаниями, а контакты со сказочно богатыми азиатскими инвесторами, давно усвоившими простую истину: все прорывные технологические и бизнес-идеи рождаются только на Западе – в Америке и в Европе. Азия, даже с ее древней культурой, к сожалению, на генетическом уровне не была «запрограммирована» на инновации. Конфуций, Будда, Лао-цзы и другие великие восточные мудрецы, жившие две с половиной тысячи лет назад, проповедовали смирение, подчинение традициям и уход от всего земного. В их учениях была бездна мудрости, они во многом уберегли восточную цивилизацию от полного хаоса из-за бесконечно раздиравших ее войн и конфликтов. Но философия инноваций, основанная на убеждении, что каждый человек уникален и рожден для того, чтобы принести в окружающий мир что-то принципиально новое, не существовавшее раньше, восточным религиям была чужда. Если бы нужно было выбрать главного изобретателя в истории, то даже такие гении, как Леонардо да Винчи и Томас Эдисон, остались бы на почетных втором и третьем местах. Первенство осталось бы за скромным переводчиком Библии на немецкий Мартином Лютером. Положив начало Реформации, он впервые поставил человека, его разум и интеллектуальные способности во главу угла. Последовавшие за этим четыре промышленные революции за пятьсот лет изменили мир и жизнь всех населяющих его людей практически до неузнаваемости.

– Джек, Дайана отпустила тебя одного на другой конец света почти на месяц? Опрометчиво! – Шэрон, хорошенькая блондинка с биологического факультета, все еще носившая подростковые брекеты на зубах, в полете явно скучала. – А что, стоит только посмотреть на этих красоток стюардесс. Вы, компьютерщики, к азиаткам точно равнодушны: взять хотя бы Цукерберга. Наверное, вам нравится, когда жена тихая и во всем слушается: не мешает сидеть всю ночь за монитором. В Силиконовой долине азиатских девушек, которые замужем за программистами, вообще не сосчитать.

Джек, куда больше увлеченный тем, что происходило на экране ноутбука Билла, сделал вид, что не расслышал. Вот уже несколько недель они почти круглыми сутками тестировали части их новой программы – той, которую они везли в Сингапур. Какие-то баги в ней, конечно, то и дело всплывали, но в целом она работала. Билл впервые за пять часов полета оторвал взгляд от экрана и мечтательно вытянулся в кресле.

– Мы порвем инвесторов. Придем с тобой на встречу с ними в халатах из отеля и домашних тапочках на босу ногу, опоздав на два часа, и потом скажем, что наша программа не продается, после чего они вообще взорвутся.

Настроение Билла было приподнятым, а байка о том, каким способом Марк Цукерберг нашел для своего тогда еще малоизвестного детища первых инвесторов, в институте и в среде стартаперов Силиконовой долины стала уже канонической.

– Да, но только у Марка к тому моменту уже был миллион с лишним пользователей Фейсбука, а тебя пока знают только уборщицы компьютерного модуля, которые выгоняют нас оттуда в пять утра. Так что халат и тапочки не прокатят, придется делать серьезную презентацию.

Джек тоже был в боевом настроении, но что-то, а точнее, то самое его седьмое чувство, давно грызло его. Ему было понятно, что поездку следовало бы отложить, но он не поддался в этот раз

внутреннему голосу, так как объяснить, что происходит, ни Биллу, ни другим людям, вовлеченным в их проект, он никаким образом не мог.

Аэропорт Чанги в Сингапуре – гостеприимные ворота в «страну будущего» – был гордостью сингапурских властей. Внутри его огромных светлых терминалов цвели настоящие сады с живыми деревьями, располагались рестораны высокой китайской кухни с доступными ценами, не говоря уже о бесчисленных магазинах. За последние тридцать лет аэропорт Сингапура официально признавался лучшим в мире двадцать семь раз, а редкие случаи, когда он опускался на вторую строчку, правительство Сингапура воспринимало как вызов и сразу же направляло огромные средства на строительство новых терминалов аэропорта и еще большее улучшение существующих.

В зале прилета Джека и его спутников ждал улыбчивый человек, скорее похожий на преуспевающего бизнесмена, чем на чиновника. Столь серьезный прием их даже удивил.

– Господа, добро пожаловать в Сингапур. Меня зовут Ван Кун, я заместитель министра образования Сингапура. Я буду с вами сегодня и завтра. Потом вы сможете общаться с вашими коллегами уже без меня. А еще через какое-то время вы не захотите уезжать: многие ученые после наших лабораторий и слышать не хотят ни о чем другом!

Стройный, спортивный, почти молодой человек в белой рубашке – очевидно, этнический китаец, как и большая часть местного населения, – непринужденно улыбался и шутил, разговаривая при этом на безупречном английском. Но в озорном прищуре его раскосых глаз легко можно было заметить необыкновенную остроту ума и взгляд, пронизывающий собеседника насквозь.

– Надеюсь, перелет вас не утомил. Мы с вами прямо сейчас поедem в Научный центр, там нас уже ждут. Извините, что жизнь в Сингапуре так динамична: вы сможете расслабиться и отдохнуть после встречи, вечером в отеле.

На улице было жарко, душно и очень влажно, но лимузины с климат-контролем были наполнены приятной прохладой. По дороге Ван Кун, сам севший за руль одного из них, ненадолго взял на себя роль гида:

– Пожалуйста, не удивляйтесь: вы для нас действительно дорогие гости. Все невероятное благополучие нашей крохотной страны построено на достижениях человеческого интеллекта. Еще полвека назад Сингапур был обычным небогатым и насквозь коррумпированным азиатским государством. Но потом произошло главное событие в истории нашей страны – к власти пришел Ли Куан Ю, великий реформатор. Он искоренил коррупцию, начав с первых лиц правительства, создал среду для привлечения западных инвесторов. Сейчас Сингапур – самое развитое государство Азии. Но мы не перестаем заботиться о развитии. Еще столько предстоит сделать! – Глаза Ван Куна загорелись детским восторгом, как у мальчика, ждущего гору подарков в день рождения. – Лично я в министерстве курирую проект «Тысяча». Мы составили список из тысячи самых талантливых, подающих надежды студентов родом из Сингапура, которые учатся в лучших университетах мира, в том числе у вас, в МТИ. Время от времени я лично звоню каждому из них и стараюсь помочь, если возникают какие-то проблемы. Моя задача – чтобы как можно больше из них вернулось после учебы домой, в Сингапур. Кстати, знаете, какая в Сингапуре зарплата министра? Полтора миллиона долларов в год, совершенно официально. Когда человек честно зарабатывает такие деньги, ему и в голову не придет что-то красть.

За окном автомобиля мелькали великолепные небоскребы, современнейшие отели, но сама дорога была на удивление пустой: автомобилей даже в центре было совсем мало.

– Владеть автомобилем – большая роскошь. Их количество строго лимитировано, нужно стоять лет пять в очереди на приобретение, а потом еще придется заплатить пошлину в три-четыре стоимости автомобиля. Поэтому у нас чистый воздух, а на общественном

транспорте из одной точки города в другую можно гарантированно добраться меньше чем за час.

Один из мостов, перекинутых через пролив в самом центре города, был тонким и необычно изогнутым. Взглянув на него, Шэрон на заднем сиденье вскрикнула от восторга.

– Да, биолог сразу поняла, в чем здесь дело, – улыбнулся чиновник. – Этот мост – точная, только увеличенная в миллионы раз копия цепочки молекулы ДНК. Биотехнологии – главная наука XXI-го века. Мы в Сингапуре делаем на них особую ставку.

Деловой центр Сингапура под ослепительным солнцем, казалось, сиял белым цветом. Но их цель находилась дальше, в районе обширного ботанического парка. Автомобили остановились у необыкновенного здания из нескольких этажей с надписью Solaris. Его фасад тоже был белого цвета, а само здание изгибалось тонкой причудливой волной. На каждом этаже с открытыми пространствами рос настоящий лес густой зеленой растительности. Из-за этого боковые панели здания представляли собой почти сплошные стены из зелени. Solaris был частью целого квартала, который занимал государственный научный центр «Биополис». Он был чем-то вроде аналога калифорнийской Силиконовой долины, с той разницей, что в нем находились офисы компаний, занимающихся не кремниевыми чипами и компьютерными программами, а инновационными проектами в области биологии и современной медицины. Впрочем, другие сферы науки здесь также были широко представлены. Этот биологический научный кластер был крупнейшим в мире в своем роде, и при этом он быстро развивался.

– Через полчаса у нас будут встречи с двумя группами инвесторов. Первых интересуют технологии шифрования данных, поэтому они горят желанием пообщаться с Джеком и Биллом. Вторые представляют фонды, которые занимаются биотехнологиями. Особенно их интересуют технологии продления жизни. Уверен, что в ближайшие двадцать лет в этой области должны произойти грандиозные прорывы.

Жара и влажность на улице достигли максимума, без кондиционера находиться вне помещения казалось тяжело. Но внутри комплекса Solaris было на удивление комфортно, причем охлаждение было естественным – благодаря сложной, рассчитанной компьютерами системе вентиляции воздуха через многочисленные отверстия в фасаде. Зайдя в зал заседаний на верхнем этаже, Джек и его друзья почувствовали, что они будто очутились в отсеке большого космического корабля из сериала «Звездный путь», который в детстве обожали, вероятно, все будущие американские ученые. На стенах, окружающих длинный стол со светло-матовой поверхностью, висели огромные экраны с такой четкостью изображения, что отдельные пиксели было невозможно рассмотреть, даже подойдя к ним вплотную. На экранах виднелись лица инвестиционных банкиров из разных городов мира – Гонконга, Лондона, Сан-Франциско. За столом сидело несколько человек – представителей сингапурских инвестиционных фондов. Несмотря на жару, все они были одеты в плотные белые рубашки с длинными рукавами и темные галстуки. Свободный дресс-код американских научных центров и инновационных компаний в деловом мире Азии по-прежнему не был принят, невзирая на климатические особенности.

После стандартных приветствий с дежурными улыбками и легкими поклонами на главном экране появилось изображение премьер-министра Сингапура Ли Сянь Луна. И внешностью, и манерой говорить он был неуловимо похож на Ван Куна, только солиднее одет и лет на двадцать старше (на самом деле даже больше, но для человека с Запада определить возраст китайца по внешности крайне сложно). Премьер не принимал участия во встрече лично – эта была запись. Но у Джека возникло ощущение, что скоро он сможет (или ему придется) пообщаться с этим человеком. Премьер произносил стандартную речь – видимо, эту запись показывали всем иностранным инвесторам:

– Мы рады приветствовать гостей в самом инновационном месте нашей планеты. У нас мало земли, но очень много человеческого таланта, труда и вдохновения. Сингапур – это лишь крошечная, почти неразличимая точка на карте мира. Но именно здесь, у нас, рождается Будущее. Мы создаем самые благоприятные условия для улучшающих жизнь изобретений в любых областях человеческой деятельности. А теперь, пожалуйста, наденьте очки виртуальной реальности, и я покажу вам кое-что еще.

Перед каждым гостем на столе стоял тончайший, почти невесомый ноутбук и лежали очки виртуальной реальности в черной оправе, с затемненными линзами. Джек не раз пользовался такими очками у себя в кампусе, хотя по-прежнему относился к виртуальной реальности как к чему-то, что находилось лишь в начальной, зачаточной стадии своего развития. Правительством Сингапура использовались новейшие разработки компании Samsung. Этот громадный корейский концерн вот уже несколько лет инвестировал миллиарды долларов в развитие технологий виртуальной реальности, но пока не торопился представлять свои достижения широкой публике. Корейцы рассчитывали, что такие американские компании, как Oculus, принадлежащий Марку Цукербергу, первыми выйдут на рынок и сформируют спрос на этот продукт, после чего Samsung представит еще более совершенные технологии и завоюет рынок, уже созданный кем-то другим. Но для таких эксклюзивных пользователей, как сингапурское правительство, технологии Samsung были доступны уже сейчас.

Сказать, что эффект, производимый виртуальной реальностью, показался Джеку впечатляющим, – не сказать ничего. Под продолжающийся рассказ премьеры могучая невидимая сила вдруг подхватила и вознесла его на высоту птичьего полета: он оказался в стеклянной кабине на самом верху Singapore Flyer – одного из самых больших в мире колес обозрения. Кабинка была закрытой, но вдруг какой-то человек, словно ниоткуда появившийся рядом, нажал на кнопку, и стеклянные двери кабинки раскрылись. Человек, учтиво

улыбнувшись и поклонившись, предложил Джеку сделать шаг вниз. По залу разнесся мучительный стон – эта картинка проецировалась в очках каждого участника встречи. Джек подошел к краю кабины, посмотрел вниз. Под его ногами был центр Сингапура: он отчетливо, абсолютно реально, как в жизни, видел небольшой стадион, расположенный на островке посреди залива, мосты, отели, крыши высотных зданий. В наушниках шумел ветер. Человек рядом вновь заговорил: теперь он вежливо предложил «небольшой» приз в пятьдесят тысяч долларов любому, кто сделает шаг вниз. Джек снова опустил глаза, увидел землю в двухстах метрах внизу под собой, собрал волю в кулак, сказал себе, что это всего лишь мультфильм... Но сделать шаг в бездну без страховки было решительно невозможно: мозг воспринимал это как абсолютно реальное самоубийство и не давал мышцам ног сделать шаг вперед, как бы сильно Джек ни приказывал себе это сделать. Кажется, те же эмоции испытывали и все остальные. Картинка в очках внезапно выключилась, и последовала просьба премьера снять их. Участники встречи потрясенно смотрели друг на друга: не то чтобы предложенный приз был очень большим для любого из них, но то, что никто так и не сделал шага в бездну, казалось невероятным.

– Прошу прощения, если подверг вас небольшому стрессу, но это была лишь часть презентации. Вы правильно поступили, что остались на месте: во время тестирования этого ролика один человек из контрольной группы все-таки шагнул вниз, и через секунду с ним случился обширный инфаркт. Господа, виртуальная реальность – это не послезавтрашний день. Это – завтрашнее утро, оно еще не наступило, но уже стучится в наши двери. С радостью хочу вам сообщить, что правительство Сингапура утвердило программу инвестиций в размере двадцати миллиардов долларов из бюджета страны в ближайшие три года на развитие инновационных технологий. Частные инвесторы дадут, конечно, еще больше: вероятно, речь пойдет о сотне миллиардов. Часть этих денег может стать вашей. Творите, дерзайте, бросайте вызов невозможному!

Сингапур станет гостеприимным домом для ваших самых смелых идей. Добро пожаловать в Будущее!

Главный экран выключился, улыбочивые стройные девушки-секретари разнесли тонкие прозрачные дизайнерские чашки с зеленым китайским чаем – молочным улуном.

Пришло время для выступления Билла, который, как показалось Джеку, был слегка выбит из колеи упущенной возможностью заработать стоимость целого года обучения в институте. Кроме того, Билл слегка нервничал, ведь, как и любой гениальный программист, он был не самым искусным оратором: разбираться в мириадах электронных таблиц с гигабайтами данных ему было несравненно проще, чем что-то объяснить простыми словами человеку, сидящему напротив, глядя ему прямо в глаза.

– Написанный нами код основан на квантовых вычислениях. Считается, что квантовый компьютер до сих пор не построен, но это не совсем так. Такие устройства уже существуют, хотя пока лишь в единичных экземплярах. Вы знаете, что вся важная информация в мире передается по оптоволоконным сетям в сложном, зашифрованном виде. Шифрованием данных занимается криптография: в последние годы это самая бурно развивающаяся востребованная наука из числа наук, близких к математике. Любая личная переписка, деятельность людей в социальных сетях, банковские денежные переводы, торговые сделки – все это при передаче шифруется, чтобы никто, кроме законных адресатов этой информации, не мог это прочесть. Чтобы открыть зашифрованное сообщение, необходим цифровой ключ: скажем, в простых случаях – это обычный пароль из нескольких символов. Но есть и другой способ. Например, если вы – хорошо оснащенный злоумышленник или, наоборот, законный представитель спецслужб, то расшифровать сообщение можно, запустив механический перебор всех возможных паролей или цифровых ключей. Если перебирать сотни миллиардов паролей в секунду – а для современных компьютеров это не

проблема, – то через какое-то время вы найдете нужный ключ, украв чужую информацию.

Присутствовавшие инвесторы внимательно слушали Билла, но пока он не рассказал ничего, что не было бы широко известно. Затем молодой программист перешел к сути:

– В свою очередь те, кто занимается шифрованием, прекрасно знают об этой проблеме. Поэтому каждый год в мире появляются все более сложные шифры. Некоторые из них для «отмычки» уже требуют перебора большего количества вариантов, чем количество атомов во Вселенной. Даже самые мощные в мире суперкомпьютеры, с триллионами операций в секунду, физически могут взломать такой шифр не раньше чем за миллионы лет. Таким образом, в мире существует много шифров, которые никто – ни террористы, ни спецслужбы – по законам физики и теории вероятностей никоим образом не могут расшифровать. Но тем не менее особенно важная информация все равно расшифровывается и читается. Об этом прекрасно известно – например, из откровений Джулиана Ассанжа или Эдварда Сноудена. Как же это делается?

Джек решил, что пришел момент взять слово и ему:

– Здесь все дело в квантовых алгоритмах. В мире есть несколько суперкомпьютеров, совмещающих обычные и квантовые методы вычислений. Дело в том, что квантовый компьютер работает на совершенно иных принципах. Он использует не сигналы «0» или «1», а так называемые кубиты. Это как бы свернутые клубки из множества сплетенных цифр – проще объяснить я не могу. А теперь внимание: чтобы взломать любой шифр в мире, квантовому компьютеру не требуется вслепую тупо перебирать все варианты. Всего в несколько действий он раскладывает шифр на его множители и затем с помощью них быстрее чем за секунду подбирает правильный пароль. Обычный компьютер сделать это не в состоянии. Таким образом, любые письма, коды, даже самые сложно зашифрованные банковские переводы на миллиарды долларов с высшей, как считается, степенью защиты спецслужбы, имеющие

квантовые компьютеры, при желании могут открыть в мгновение ока. Конечно, это делается лишь в особенных случаях: когда речь идет о важной информации, имеющей значение для национальной безопасности.

Билл взглянул на Джека, словно последний раз спрашивая его, стоит ли им именно сейчас раскрывать свои карты, и со вздохом продолжил:

– Наш код содержит уникальный математический алгоритм. Он позволяет создавать шифры, которые представляют собой бесконечно длинные простые числа. По определению, простые числа делятся только на себя и на единицу. Сложных множителей, по которым квантовый компьютер как раз и «ловит» правильный пароль, такие шифры не имеют. Таким образом, наша программа может создавать шифры, которые никогда не вскрыет ни одна спецслужба мира. Никаким теоретическим способом. Месяц назад мы зарегистрировали компанию Freedom Choice, которая может гарантировать неприкосновенность любых личных данных любого человека в мире – начиная от простой переписки с близкими и друзьями в социальных сетях и заканчивая торговыми платформами крупнейших в мире бирж. Наступает эпоха свободы человека. Теперь никто никого никак не сможет контролировать.

– Бесконечно длинные простые числа? Поколения великих математиков бились над проблемой, как их находить, но так и не решили ее. Молодые люди, мне сложно вам поверить.

Пожилой представитель от фонда Quantum Джорджа Сороса, похожий на университетского профессора, по всей видимости, пришел к инвестиционной деятельности из научной среды.

– Для создания нашего алгоритма нам очень помогли те же самые квантовые компьютеры. Как говорили древние, «найми вора, чтобы поймать вора». – Джек позволил себе улыбнуться.

Солнечные лучи все еще ярко освещали зал, но их оранжевый оттенок говорил о том, что вечер был уже не за горами. Где-то на этом же этаже Шэрон, Майк и Шен были на встрече с инвесторами в

области биотехнологий. «Интересно, их слушатели сидят сейчас с такими же удивленными лицами?» – подумал Джек.

Реакцию инвесторов на выступление молодых американцев и вправду можно было охарактеризовать как изумление в глазах одних и глубокую задумчивость, смешанную с недоверием, на лицах других. Однако вопросов было немного.

– Когда вы собираетесь организовать первый раунд привлечения инвестиций? На каких условиях, хотя бы примерно?

В разговор внезапно вступил Ван Кун:

– Коллеги, наши гости из МТИ пробудут в Сингапуре еще три недели. Уверен, что у вас будет возможность обсудить с ними лично все разнообразные технические детали в ближайшее время. Наши гости остановились в отеле Marina Bay.

Желая сделать обстановку непринужденной, чиновник добавил:

– Ну не смотрите на меня так! Мы их предупреждали, что в «Марине» останавливаются только тинейджеры, которые транжирят деньги своих родителей лишь затем, чтобы выставить потом в Сети свое селфи на фоне бассейна над городом. Объясняли, что для серьезных бизнесменов у нас есть прекрасные солидные отели, – но эти американские студенты и слушать нас не захотели!

Смех и шутки по поводу новой гостиницы, ставшей всемирно известным символом Сингапура, но все равно казавшейся представителям «старой школы» безвкусной и несерьезной, означали, что деловая часть встречи подошла к концу.

В холле у лифта, проем которого было непросто различить в чаще тропических растений, Джек и Билл встретили своих товарищей, также только что закончивших свою встречу и пребывавших в превосходном настроении. Особенно сияла Шэрон – во встрече участвовала знаменитая американская ученая – профессор, светило в области новейших технологий генетики, которая давно переехала жить и работать в сингапурский Биополис. Выпускная работа Шэрон по молекулярной биологии содержала десятки ссылок на ее работы.

Ван Кун снова оказался рядом. Казалось, что он мог растворяться в воздухе, а затем появляться в нужный момент. Вероятно, заместителей министров в Сингапуре обучают такой способности на специальных курсах.

– Прежде чем мы поедem в отель, позвольте мне показать вам в этом здании еще кое-что интересное. Вы, конечно, знаете о том, что такое вертикальные сады – их уже немало и в Калифорнии, и в Европе. Но этот сад, как мне кажется, – живое воплощение будущего. Он занимает минимум площади, не требует удобрений, для полива достаточно лишь несколько капель воды на квадратный дюйм. Компьютерная программа ежеминутно отслеживает скорость роста растений, их потребность во влаге и солнечных лучах. Думаю, что через двадцать-тридцать лет такие сады внутри прозрачных высотных зданий будут полностью покрывать потребности людей в свежих органических фруктах и овощах во всех крупных, развитых городах мира. Сотрудники института три раза в год собирают урожай этого сада, чтобы побаловать вкусными натуральными продуктами своих близких. И потом, это ведь еще и очень красиво...

С этим трудно было не согласиться. Живые стены тропической зелени, оплетающей здание и снаружи, и внутри, создавали настроение с оттенком детского восторга.

Отель Marina Bay Sands действительно стал символом Сингапура, а вид его знаменитого бассейна на крыше – одной из самых часто встречающихся заставок страничек пользователей всемирной сети Instagram. Отель, что бы о нем ни ворчали высоколoбые архитектурные критики, и вправду казался чудом. Он был самым дорогим зданием мира: смета строительства его трех высотных башен, соединенных, словно громадный перевернутый корабль, единой крышей, а также целого района самой дорогой земли в центре Сингапура составила почти восемь миллиардов долларов. Только Международная космическая станция да большой ускоритель элементарных частиц под землей в Женеве обошлись человечеству

еще дороже. Однако эти затраты наверняка окупались: с момента открытия гостиницы в ней каждый день не было отбоя от туристов.

Сьют за девятьсот долларов в сутки, в который поселили Джека гостеприимные хозяева, находился на сорок седьмом этаже: один из многих лифтов мягко поднял его на нужный этаж всего за несколько секунд. В номере Джек ожидал увидеть какую-то немыслимую роскошь, но ее там не было и в помине: номер казался огромным, с невероятным видом из окон на город, но был оформлен в духе стильного минимализма – в нем имелось лишь самое необходимое. По местному времени было около шести, и Джек решил совершить небольшую пробежку по городу, чтобы освежиться и посмотреть закат: к этому времени жара резко спала, а погода, хоть и оставалась влажной, стала более комфортной. Обычно он пробегал километров пять за полчаса. Но здесь, в хитросплетении мостов через небольшую реку, отделявшую отель от центра города, сориентироваться сразу было непросто. В таких случаях выручало речевое приложение Siri в смартфоне. Спустившись на первый этаж, Джек негромко произнес в аппарат: «Проложить три мили от входа и обратно для бега, показать меню ближайших ресторанов, озвучить сообщения». Спустя полчаса Джек, приятно размявшись, уже вновь стоял в огромном холле «Марины». Среди прочих сообщений ему пришла смс с фоткой улыбающейся своими детскими брекетами Шэрон: она пригласила Джека вместе поужинать, причем, к его некоторому удивлению, вдвоем.

Еще спустя час они уже сидели у воды в небольшом ресторане на той стороне реки за потрясающе уютным столиком, покрытым зеленой скатертью, со старинной китайской лампой из светлой породы дерева. Шэрон, по-прежнему счастливая от поездки и общения со своим научным кумиром, была одета в обтягивающую белую майку, короткую белую юбку и модные кроссовки. Джек отметил про себя ее хороший вкус: каблуки и вечернее платье с макияжем в жарком, молодежном Сингапуре выглядели бы неуместно. Шэрон казалась ему привлекательной, хотя всерьез он

никогда не думал, что между ними что-то могло бы произойти. Они оба заказали краба-чили – фирменное блюдо сингапурской кухни: немного острое, но с безупречно изысканным вкусом, а также бутылку превосходного красного бордоского вина Saint Emilion. Ужин был необыкновенно хорош. Шэрон довольно щебетала:

– А ты смотрел в детстве этот сериал – «Шокирующая Азия»? Помнишь кадры, как в Сингапуре, в индийском квартале, раз в год проходит шествие в честь какого-то индуистского божества? Когда люди находятся в трансе, протыкают себе кожу во всех местах огромными иглами и крюками и тащат за собой каменные изваяния? Ужас! Меня еще удивляло – они же должны терять сознание от болевого шока? И еще – вся улица должна была бы быть в крови, но там ее практически нет. Было бы интересно посмотреть. Хотя нет – слишком жутко.

– Кажется, я читал, что участники этого парада готовятся к нему, пару месяцев голодая и медитируя. Возможно, к его началу они становятся бесчувственными, как зомби. Почему ты об этом вспомнила? Давай лучше сменим тему.

– Давай, если хочешь. Официант куда-то запропастился... Разлей вино сам, пожалуйста. Давай выпьем за успех и огромную кучу денег, которую мы все, может быть, скоро заработаем! Ура!

После пары бокалов вина Шэрон все так же продолжала улыбаться, ее живописно растрепанные светлые волосы слиплись от влажности, став от этого еще привлекательнее. Глаза были полуприкрыты и подернуты романтической дымкой. Она ждала от Джека каких-то действий, хотя сама еще не знала, готова ли сегодня пойти до конца. Скорее всего, вторая бутылка вина окончательно развеяла бы ее сомнения. Но Джек, осознавая происходящее и не без труда подавляя в себе животное желание слиться с этими милыми губками в романтическом поцелуе, решил все же не выходить пока за рамки дружеских отношений. Впрочем, чтобы не расстраивать Шэрон отказом, после ужина он как бы ненароком

мягко взял ее за руку и предложил прогуляться перед сном вокруг отеля.

Вечер был необыкновенным. Перед отелем бил вверх огромный фонтан, на струях которого под приятную музыку шло уникальное голографическое шоу: красивая ведущая с раскосыми глазами, словно живая, приветствовала гостей отеля. Затем началось трехмерное представление с популярными местными группами и певицами. Их объемные, естественные лица словно рождались в недрах фонтана, приближались к вам, а затем сменялись другими. После шоу гости направлялись к другой стороне отеля – там росли огромные волшебные «деревья»: наполовину настоящие, наполовину сделанные из чего-то искусственного. С наступлением темноты деревья начинали переливаться яркой симфонией цветов, а гости отеля ложились прямо под ними на траву – из такого положения цветочное шоу деревьев казалось особенно сказочным. В какой-то момент Шэрон, словно слегка устав, положила голову на плечо Джека – он почувствовал приятный, чуть возбуждающий запах ее волос и юной кожи – в этот момент сила искушения стала почти непреодолимой. Но через несколько мгновений всплеск гормонов прошел, и он взял себя в руки. В холле отеля он лишь галантно пожелал девушке приятных сновидений, проводил до лифта, напоследок уловив ее слегка разочарованный взгляд.

Siri подсказала Джеку, что разница во времени между Сингапуром и Бостоном составляла тринадцать часов. Значит, дома сейчас было уже девять утра. Вернувшись в номер, он набрал Дайану, но ее телефон был выключен. Это показалось странным – в это время она должна идти с завтрака на первую лекцию. Он послал ей два сообщения через социальные сети, но ответа также не получил. В Facebook Messenger стояла отметка, что Дайана не заходила в него с середины вчерашнего дня. Это казалось тем более странным: ведь она каждый вечер перед сном обязательно проверяла почту.

Джек набрал номер ее соседки по комнате. Та была явно взволнована:

– Вчера к нам заходили двое мужчин в костюмах с удостоверениями ФБР. Они сказали, что у них есть информация, что Дайана незаконным образом оформила учебную визу в США. Они увели ее для разбирательства. До сих пор не знаю, что с ней. Бред какой-то!

Красоты Сингапура, затуманенные глаза Шэрон – все вдруг стало далеким, пустым и неважным. Правда, чувства подсказывали Джеку, что с его подругой ничего страшного не случилось, скорее всего, ее скоро отпустят и он снова услышит ее голос.

Но вот мог ли он сам спать спокойно этой ночью? Это теперь не казалось очевидным.

Глава 5

За всё золото мира

*Вашингтон, площадь перед Капитолием,
4 марта 1933 года*

– Единственное, чего Америке следует бояться, так это только самого страха.

Звук голоса Франклина Делано Рузвельта, вступавшего в должность 32-го президента Соединенных Штатов, слегка дрожал, искажался в микрофоне и разливался в холодном весеннем воздухе над многотысячной толпой людей, пришедших на инаугурацию. Но в этой звуковой вибрации не слышалось ни тени волнения новичка – скорее, это был рык матерого льва, который и вправду не ведал о том, что такое страх.

– Жадность, упрямство и некомпетентность финансовых воротил свергли и их самих, и всю страну в состояние жестокого кризиса. Они отобрали у людей дома, работу и даже саму надежду на лучшее будущее. Я вступаю в должность так, как если бы США вели в этот момент решительную, кровопролитную войну. И мы победим в ней: наша судьба – только в наших руках.

Измученные, растоптанные, униженные голодом и беспросветной нищетой депрессии американцы внимали речи Рузвельта у допотопных радиоприемников с замиранием сердца. Казалось, они впервые в жизни слышат голос человека из власти, которому можно *верить*. Тем более странным казалось то, что этот человек был вовсе не сказочным героем, а физически беспомощным инвалидом, прикованным после перенесенной тяжелой болезни к инвалидному креслу до конца жизни. Речь нового президента длилась всего двадцать минут, но именно ее историки будущего назовут поворотным моментом истории американской нации.

На следующий день, 5 марта, Бернард Барух должен был явиться на аудиенцию к Рузвельту в Белый дом. Стоит отметить, что во всей мировой истории было совсем немного таких влиятельных и талантливых людей, которые умудрялись сохранять должность главного советника и правой руки у нескольких могущественных правителей подряд. Впрочем, неправильно думать, что шесть (!) американских президентов, от Вудро Вилсона до Гарри Трумена, управлявших страной в общей сложности примерно сорок лет, сами выбирали Баруха главным помощником. Скорее, все обстояло как раз наоборот.

В день инаугурации Барух находился еще в Нью-Йорке. Речь Рузвельта банкир слушал дома, в своем особняке на западе Манхэттена, на Лексингтон-авеню, рядом с небольшим парком Мэдисон. До офисов банков Уолл-стрит отсюда было три-четыре мили, обычно он проезжал их за пятнадцать минут, но сегодня часть дорог Манхэттена была перекрыта, и он решил прогуляться пешком, несмотря на сырую, немного промозглую погоду. Разумеется, его сопровождали охранники: во времена депрессии находиться одному на нью-йоркских улицах было небезопасно даже людям среднего достатка. Каждый четвертый американец был безработным, каждый седьмой голодал. Уровень преступности в Америке по сравнению с благополучными двадцатыми вырос в десять раз. Самое безобидное, что могло произойти даже среди бела дня на фешенебельной улице, – кража кошелька или вещей очередной шайкой чумазных мальчишек-беспризорников.

Неторопливо шагая по Парк-авеню в сторону Нижнего Манхэттена, Барух думал о речи Рузвельта и их предстоящей встрече. Метафора нового президента о войне была сильной и, надо признать, точной. После четырех лет разрастающегося кризиса Нью-Йорк действительно был как две капли воды похож на город, подвергнувшийся военному нападению. Многочисленные высотные здания делового центра стояли практически пустыми, без арендаторов, с осыпающейся облицовкой и выбитыми стеклами во

многих окнах. Несмотря на все усилия полиции, Манхэттен был наводнен бездомными, спавшими на тротуарах, чаще всего на вентиляционных решетках метро, откуда поднималось хоть какое-то тепло. Ноги бродяги обматывали самодельной «обувью» из обрывков старых газет. На севере Центрального парка – любимого места прогулок многих поколений горожан, в том районе, где еще недавно вечерами в клубах гремел джаз, – теперь был один сплошной «Гувервиль»: палаточный городок, названный «в честь» предыдущего президента, при котором разразился кризис. В нем жили тысячи пытающихся спастись обездоленных людей, приехавших из глубинки. Полиция каждую неделю совершала туда массированные рейды, снося незаконные постройки и арестовывая сотни их обитателей за воровство и отсутствие документов, но людей и убогих хибар становилось все больше. К порту Нью-Йорка, находившемуся по ту сторону пролива, на юге, за Бруклинским мостом, раньше испытывавшему нехватку грузчиков, теперь с ночи выстраивалась километровая очередь из мужчин, мечтавших четырнадцать часов без перерыва таскать неподъемные тюки всего за один доллар в день, которого хватало только на один семейный ужин. Бесплатная раздача кусков черствого хлеба и водянистого, но хотя бы горячего супа проводилась передвижными армейскими кухнями один раз в день. В очереди к самому крупному пункту раздачи на еще недавно сиявшей неоновой рекламой Таймс-сквер люди стояли два-три часа. Но самым ужасным посреди разрухи, пожалуй, было выражение людских глаз. Точнее сказать, отсутствие всякого выражения. Никто не понимал, что происходит, никто не верил в то, что невероятные трудности когда-нибудь закончатся. Сегодняшний день был из рук вон плох, но завтрашний, казалось, должен был стать истинным кошмаром.

Впрочем, не все ощущали себя плохо. Словно пир во время чумы над Манхэттеном на глазах поднимались по этажу в день несколько новых, самых высотных зданий Америки и всего мира. Восхитительный Крайслер-билдинг с ажурным шпилем в стиле ар-

деко, небоскреб трастового банка Манхэттена на Уолл-стрит, превосходное здание Рокфеллеровского центра и, наконец, грандиозный, поражающий самое смелое воображение Эмпайерстейт-билдинг строились почти одновременно, в самый разгар депрессии. Инвесторами и владельцами этих небоскребов помимо престарелого Джона Рокфеллера, ставшего к концу жизни видным филантропом, были несколько относительно молодых богачей, владевших контрольными пакетами акций ведущих корпораций Америки и предусмотрительно (а точнее, по мудрой и своевременной подсказке сверху) успевших продать эти пакеты акций еще до биржевого обвала. Каждого из этих людей Барнард Барух (совпадение?) хорошо знал лично.

Чуть ниже по Парк-авеню, около Юнион-сквер, находился небольшой продуктовый рынок под открытым небом. На прилавках лежали зелень и чуть подмороженные апельсины, яблоки и сливы, привезенные из Флориды. Около одного из прилавков раздавался громкий крик – хозяин изо всех сил бил палкой и кулаками худенького мальчонку, видимо, работавшего у него, за то, что тот стащил пару незрелых слив. С другой стороны рядов дородная деревенская женщина варила в чане густой, превосходно пахнущий мясной суп. В паре метров перед ней стояла дюжина детей разного возраста, в основном девочки, некоторые из них были даже вполне прилично одеты и аккуратно причесаны. Дети ничего не просили, просто смотрели на суп и внимали его аромат, зная, что торговка только накричит и выгонит их, может быть, даже позовет полицию. Проходя мимо, Барух протянул женщине металлический доллар. Возможно, ему хотелось, чтобы эта небольшая благотворительность принесла ему удачу. Женщина оказалась добродушной: все поняла, искренне просияла и жестом подозвала детей. Через мгновение банкир услышал оглушительные вопли восторга: детвора бросилась разливать суп по небольшим деревянным тарелкам. Еще через квартал, на пересечении с Пятой авеню, Баруха нагнал его лимузин, и вскоре он уже входил в офис банка National City на Уолл-стрит.

В личном кабинете Томаса Ламонта было просторно, но обстановка намеренно лишена роскоши – в разгар депрессии излишества могли бы выглядеть неуместно. В ноябре 1929-го, когда начался биржевой обвал, Ламонт получил личное предписание президента Гувера возглавить борьбу с кризисом, после чего он, по примеру своего учителя Дж. П. Моргана в 1907-м, собрал пул банкиров и создал стабилизационный фонд в четверть миллиарда долларов. К сожалению, в этот раз масштаб финансовых потрясений был таким, что эти деньги оказались каплей в море: через неделю обвал возобновился с новой силой. С того времени киты Уолл-стрит затаились, чтобы не навлечь на себя еще больший гнев народа, и особенно – конгресса Соединенных Штатов.

Когда прибыл Барух, в кабинете Ламонта находились несколько человек, включая Джона Моргана-младшего, с годами ставшего внешней копией отца, хотя и не со столь исключительными способностями. Был здесь и Маринер Экклз – молодой, необычайно энергичный успешный банкир. Вскоре его назначат председателем Федеральной резервной системы. До сих пор эта должность была совершенно формальной: чтобы не привлекать к Системе внимание общественности, возглавлять ее приглашали малоизвестных чиновников, ничего не решавших и мало что знавших. Экклз стал первым ее главой, вхожим в общество ее владельцев.

– Эти люди радуются весне, но даже не представляют, какой настоящий подарок их ждет.

Стоя у окна во фраке и держа в руках неприменный высокий черный цилиндр, Барух рассматривал молодежь, гулявшую по Уолл-стрит напротив здания нью-йоркской биржи.

– Время медвежьего рынка окончено, господа. Акции «Дженерал моторз», к примеру, упали в восемьдесят раз. Достаточно, я полагаю, для выгодного вложения? Рузвельт пробуждает нацию, люди вот-вот начнут поднимать голову из летаргического сна. Система – осторожно, с большими ограничениями, разумеется, – в ближайшее время снова должна начать выдавать кредиты.

– Мы не слишком торопимся? – Голос Моргана-младшего, как обычно, звучал резко.

– Да, пока мы еще не готовы. За четыре года банки завладели почти всей промышленностью. Но золото, черт возьми, так и осталось в руках мелких владельцев, кто-то из них даже на грани голодной смерти не стал его продавать. Золотой стандарт никто в мире не отменил, и Системе для нового большого рывка необходимо, по моим расчетам, по меньшей мере, в пять раз больше золота, чем хранится сегодня в сейфах всех резервных банков страны.

– Бернард, золото никто не будет продавать. И население, и европейские банки будут держаться за него до последнего – это единственный актив, которому еще доверяют. И потом, в пять раз? Откуда вообще взять столько золота? У вас есть карта Эльдорадо?

– Завтра я встречаюсь в Вашингтоне с Рузвельтом. Франк будет сильно упираться, но другого выхода у нас нет. И тем более нет у него... Господа, наступил серьезный момент.

Аудиенция была назначена на девять часов утра. Баруха, прибывшего ранним утренним поездом, новоизбранный президент встретил с почестями, но не в Овальном кабинете, а в зале напротив. Сторонний наблюдатель мог бы подумать, что Рузвельт предпочел эту комнату, чтобы разговор с будущим финансовым советником получился более неформальным. Однако истинная причина выглядела гораздо прозаичнее: архитекторы Белого дома, завершившие его в 1800 году, предусмотрели в здании практически все, кроме одного – они даже не предполагали, что когда-нибудь его хозяином станет парализованный инвалид. В Овальном кабинете с роскошными диванами, толстыми коврами, инкрустированным столиком для фруктов и цветов посередине не было места для проезда коляски. Чуть позже мебель переставили, но Рузвельт, словно из принципа, до конца своих дней принимал самых уважаемых гостей в комнате напротив.

Франклин Рузвельт обладал уникальным для большого политика качеством: в любой речи он в первой же фразе переходил к самой сути обсуждаемого вопроса. Кроме того, его собеседники мгновенно забывали, что перед ними – немощный инвалид. Этот человек словно излучал неистощимую энергию и непоколебимую уверенность в себе.

– Господин Барух! Рад вас приветствовать. Прежде всего хочу сообщить вам о важной мере, которую сегодня же после обеда утвердит конгресс. Завтра все банки Америки закрываются!

Насладившись оказанным впечатлением, он продолжил:

– Разумеется, не навсегда – пока только на неделю. Я дал распоряжение министру финансов и казначейству провести тотальную проверку отчетности всех банков страны. Те, что не соответствуют требованиям, уже никогда не откроются снова. Я намерен начать свою работу на посту с беспощадной и беспристрастной ревизии национальной банковской системы. Возможно, я не похож на Геракла, – глаза президента задорно блеснули, – но я очищу эти авгиевы конюшни.

– Уверен, что это мудрое решение, господин президент. Также хочу вас заверить, что крупные, системообразующие банки, несмотря на кризис, имеют достаточное количество денег и соответствуют всем законодательным требованиям. Правда, проверку не смогут пройти тысячи мелких банков по всей стране, но их вклад в национальный капитал крайне незначителен.

– Да, и после того, как останутся только здоровые банки, я введу систему государственных гарантий депозитов населения. Отныне ни один американец не потеряет свои скромные, заработанные тяжелым трудом доллары, даже если банк лопнет.

– Господин президент, крупный капитал, безусловно, поддержит ваши решения. Но для быстрой стабилизации ситуации необходимо принять и еще некоторые меры.

Рузвельт напряженно посмотрел на Баруха. Он знал, какие могущественные силы тот представлял, но не ожидал столь

откровенного давления на себя в первое же утро президентства.

– В национальных интересах необходимо срочно изъять все золото американцев в пользу Федерального резерва.

– Что?? А что еще, по вашему мнению, правительству необходимо изъять? Может быть, заодно и их души? Почему бы и нет, не скромничайте! Господин Барух, сожалею, но время аудиенции подходит к концу: я спешу, мне надо еще раз перечитать мою сегодняшнюю трехчасовую речь в конгрессе. Да, я стою за социальные реформы, но на институт частной собственности посягать не намерен. К счастью, я пока нахожусь в здравом и твердом уме. Благодарю вас, вы свободны.

Золото навсегда

Однако следующий месяц, по труднообъяснимому стечению обстоятельств, стал самым тяжелым периодом для Франклина Делано Рузвельта. Один из конгрессменов, лидеров Демократической партии, давний любимец президента, выступивший в тот день на заседании с пламенной речью, клеймившей жадных банкиров и олигархов с Уолл-стрит, вскоре был трагически застрелен прямо в протестантской церкви проигравшим ему ранее на выборах в округе его штата кандидатом в депутаты от республиканцев. Экспертиза признала убийцу невменяемым: вместо электрического стула тот отделался лишь недолгим курсом психиатрического лечения.

В западном крыле Белого дома в один из вечеров внезапно произошло короткое замыкание, в считанные секунды вспыхнул пожар – единственный серьезный инцидент подобного рода за всю историю здания, несколько залов полностью выгорели. К счастью, Рузвельт с семьей и прислугой в этот момент ужинал на террасе в восточном крыле, поэтому, по случайности, никто не пострадал.

Фондовые индексы, взлетевшие в первые дни после вдохновляющей речи президента, затем необъяснимо, без всяких причин и дурных новостей, стали резко обваливаться, достигнув к концу марта почти абсолютного дна.

Тогда же, в конце марта, большая семья Рузвельтов (у нового президента было шестеро детей) собралась в Белом доме, чтобы отпраздновать шестилетие маленькой, чудесной Софи – любимой, смышленной белокурой внучки президента. С утра детям раздали подарки: сладкоежка Софи, конечно, не дождалась остальных, тайком открыла коробочку с шоколадом и конфетами, которую неизвестный художник даже подписал ее именем, изобразив ее в виде тонкого белого ангелочка. Через пару часов, когда семья уже садилась за стол для торжественного обеда, Софи вдруг почувствовала себя плохо, у нее не прекращалась болезненная, обильная рвота. К счастью, служба экстренных ситуаций сработала безупречно: уже через полчаса девочка лежала под капельницей в лучшем вашингтонском госпитале, а еще через два дня ее выписали бодрой и веселой.

Разумеется, все эти события были лишь случайным, крайне неприятным стечением обстоятельств.

Но одно из посланий было вполне определенным, хотя понять его мог лишь человек посвященный. Обычная почта, до того как попасть в руки президенту, проходила тщательный контроль службы безопасности, а затем его пресс-службы. Этот порядок не касался лишь одного специального, конфиденциального канала связи. Им могли пользоваться только главы нескольких государств, важных союзников Штатов, а также еще некоторое количество отправителей, список которых президент утверждал лично сразу после вступления в должность. Посылка, пришедшая по этому каналу, была из Рима – на обратном адресе значилась площадь Пьяцца дель Джезу, – подписанная человеком, имя которого было знакомо Рузвельту очень давно, хотя лично они никогда не встречались. Это был великий магистр итальянской ложи масонов: сам Рузвельт принял

посвящение в ложу еще в юности, хотя принадлежал он, в силу происхождения его давних предков, к не самой могущественной голландской ветви. Связи в масонском мире Америки когда-то очень сильно помогли энергичному политику вырасти из мелкого чиновника до губернатора штата Нью-Йорк. Правда, в последнее время Рузвельт не имел с ложей никаких дел и надеялся, что теперь у него достаточно власти, чтобы обходиться без ее указок. Открыть посылку президент попросил свою супругу Элеонор, бывшую его самым доверенным лицом во всех делах. Они ожидали увидеть в ней письмо, но внутри лежали лишь три предмета: однодолларовая купюра с обведенной красным карандашом пирамидой с «всевидящим оком», старинный деревянный циркуль и небольшой железный серп. Слов не требовалось: даже Элеонор поняла суть старинных масонских знаков. Циркуль был символом единого мирового порядка, который олицетворяли масоны, серп – знак нависшей над человеком острой, смертельной угрозы, в данном случае – последнего предупреждения. Всевидящее око означало неотвратимость наказания, долларовая купюра подчеркивала связь с финансовыми интересами всемирной ложи. Более ясным это «письмо» и быть не могло.

– Фрэнк, мы ничего не можем сделать, нас никто не защитит. – Голос Элеонор был тихим, но уверенным. – Сделай то, что они хотят. Наши дети, внуки, семья – мне страшно за всех.

Рузвельт сделал паузу, затем попросил жену включить радиоприемник, чтобы нарушить звенящую тишину. В комнате зазвучал печальный бархатный баритон Бинга Кросби – это был главный американский хит года: «Братишка, выручи монеткой» – исповедь человека, воевавшего за Америку, строившего небоскребы, а теперь без всякой надежды стоящего в очереди за супом и хлебом. «Братишка, выручи золотой монеткой» – именно это Рузвельту предстояло сказать нации, и без того измученной стране, которая так верила в него. Это было, по меньшей мере, недостойно и предельно унижительно. Элеонор нежно положила руку на плечо мужа, и у

президента, который чувствовал себя в эту секунду беспомощнее, чем потерявший работу уличный мальчишка, немного отлегло от сердца.

Пятого апреля 1933 года все газеты Америки на передовице напечатали новый президентский указ. Он был подобен разряду грома. Указ предписывал всем гражданам США в срок до первого мая сдать правительству все имеющееся у них золото в виде слитков или монет по курсу двадцать долларов за унцию желтого металла. Курс «обмена» был откровенно грабительским: рыночная цена золота составляла не меньше тридцати пяти долларов за унцию. Все, кто отказывался сдать золото, при его обнаружении наказывались огромным штрафом или десятилетним тюремным заключением. Чтобы проконтролировать исполнение указа, полиция опечатала и досматривала все личные банковские ячейки в стране, в которых люди обычно хранили золото. Никогда в истории Америки право граждан на частную собственность – первооснова ее конституционного устройства – не было попрано столь решительно и безжалостно.

Пресс-конференция президента прошла спустя пару дней, но не в Вашингтоне, а в зале одного из высотных зданий делового центра Нью-Йорка. Казалось, самым местом ее проведения Рузвельт пытался безмолвно указать на тех, кто стоял за этой драконовской мерой. Разумеется, от репортеров не было отбоя: помещение даже не вместило всех желающих.

– Господин президент, означает ли ваш указ переход к социалистической системе? Почему так строги наказания за его неисполнение? Америка больше не свободная страна?

Ответы Рузвельта, обычно четкие и прямые, в этот раз были полны тумана:

– Министерство финансов и экономические эксперты считают, что есть опасность массовой утечки золота за границу. Это не в интересах нации. Правительство бережно сохранит наше золото, и оно станет основой будущего роста.

Вопросы посыпались снова, но в ответ президент лишь с трудом выдавил из себя слова, заставившие лица репортеров вытянуться от изумления:

– Я не читал этого указа. Я подписал его, не открывая текст: оставил все на усмотрение экспертов.

Через год, весной 1934-го, когда отобранное золото американцев до краев наполнило сейфы банков Нью-Йорка, а тысячи граждан, пытавшихся скрыть слитки, были отправлены в тюрьмы строгого режима, Барнард Барух присутствовал на очередной аудиенции у Рузвельта. Их встречи стали частыми: в этот раз они общались не в официальном крыле Белого дома, а там, где семья президента обычно отдыхала, – на террасе, около теннисного корта. От напряжения, которое висело в воздухе во время их первой встречи, теперь уже не было и следа.

– Барух, порой мне кажется, что вам и подобным вам мало управлять одной страной. Странно, что вы до сих пор еще не добрались до Луны, Марса и Юпитера. Впрочем, я бы не поставил на то, что этого когда-нибудь не произойдет.

– Господин президент, я всего лишь служу вам и нашей великой стране.

– Биржевые рынки растут целый год, положение стало гораздо лучше. Ситуация с безработицей, правда, напряженная. Впрочем, я ожидаю, что мое управление общественных работ сможет в ближайшую пару лет занять нужной, а если потребуется, то и ненужной работой миллионы американцев – по крайней мере, чтобы голод прекратился: это вселит в души людей оптимизм, что важнее всего. Барух, а вы что дальше планируете предпринять?

– Скоро на ваш стол ляжет проект закона о передаче всех золотых резервов банков Федеральной резервной системе.

– Интересно. Очередная ваша идея? Перекладываете золото из одного кармана в другой?

– Проект закона написал мистер Экклз, недавно назначенный вами глава ФРС. Золото страны теперь необходимо сосредоточить в

одном надежном месте. Пока не решено где. Но это место не будет секретным: наоборот, чтобы вселить уверенность в людей и пресечь слухи, что золото США якобы уплывает непонятно куда, хранилище будет находиться на глазах у всей страны.

– Хорошо, Барух. Обсудим это позже. Знаете, а я попрошу, чтобы нам налили виски. Рабочий день закончился, и, как вы знаете, я отменил этот дурацкий, бесполезный сухой закон несколько месяцев назад. Вы какой бурбон предпочитаете?

– Господин президент, я предпочитаю шотландский виски, односолодовый, или коньяк.

– Что ж, в моем баре найдется и это.

Официант принес янтарный тридцатилетний шотландский виски из региона Спейсайд и разлил его по гравированным стеклянным стаканам. Над Вашингтоном сгустился теплый розоватый весенний вечер. Жена Рузвельта была в отъезде, поэтому к импровизированной вечеринке присоединились две молодые стройные и румяные секретарши, лично отобранные Рузвельтом из сотен кандидаток. Даже будучи парализованным, 32-й президент США оставался активным мужчиной и еще со времен своей бурной юности обаятельным и опытным ловеласом.

Строительство хранилища для золотого запаса Америки длилось два года и было завершено в 1936-м. Для этой цели был выбран кусок земли на севере штата Кентукки, примерно в тысяче километров в глубь страны от Восточного побережья. Хранилище Форт-Нокс стало одним из самых защищенных мест в мире. Здание с гранитными стенами толщиной в несколько метров и железными дверями весом в десятки тонн могло выдержать попадание мощнейшей бомбы. Форт-Нокс до сих пор окружен военной базой, его круглосуточно охраняет целая дивизия.

В конце 1930-х годов европейские государства, обеспокоенные возможным началом новой мировой войны, переправили в Форт-Нокс свои золотые запасы на попечение американского правительства. К началу Второй мировой войны здесь хранилось

двадцать тысяч тонн золота – самое большое количество желтого металла, собранное в одном месте за всю мировую историю. Америка гордилась и по сей день гордится великолепным оплотом своего богатства в Форт-Ноксе: само это хранилище всегда символизировало не только прочность национальной экономики, но и главенство США на мировой арене.

Лишь одно маленькое «но» озадачивает некоторых, чуть более понимающих людей. Ни грамма из всего этого золота юридически никогда не принадлежало США. Это золото Системы, законными владельцами которой являются несколько почти не известных людей из разных стран.

Глава 6

Секреты жизни

Сингапур, отель Marina Bay, наши дни

Рано утром Джека разбудил неожиданный звонок с американского номера. Голос, звучавший в трубке, был до боли знакомым, но узнать его удалось не сразу. Это был его отец – хотя они до этого не общались, наверное, года два.

– Джек! Ты хотя бы позвонил мне перед отлетом! Азия – не ближний свет, мало ли что может случиться. И потом, я ведь не раз бывал в Сингапуре много лет назад. Тогда как раз открывалось местное отделение JP Morgan, и меня с одним моим коллегой чуть не откомандировали туда лет на десять. Удалось отговориться, только сославшись на проблемы со здоровьем: влажный жаркий климат – не для моего сердца. Но я бы дал тебе несколько советов и полезных контактов.

– Пап, спасибо, я в порядке. А ты все там же, в Вашингтоне, в офисе напротив лужайки Белого дома?

– Да. Теперь я курирую инвестиционный блок вашингтонского офиса, в основном мы занимаемся крупными сделками в области биотехнологий.

– Не сомневаюсь, что ты позвонил мне по делу. Тебе что-то нужно здесь?

– Ну, не совсем... Но отчасти ты прав. Мне необходимо срочно организовать встречу со Сьюзен Макдоннел. Она работает в тамошнем Биополисе, в генетическом модуле. Ты о ней слышал?

– Да, вчера наша вторая группа встречалась с местными биологами, в том числе как раз с ней. Одна из наших девушек была в восторге от нее.

– Ну вот, я как чувствовал. Одна из крупнейших американских фармацевтических компаний хочет купить ее проект. Наш банк –

организатор сделки, имеет хороший процент. От этого проекта зависит сейчас не только мой бонус, скорее даже – вся моя карьера. Проблема в том, что Сьюзен – это такая вещь в себе, никто вообще не знает, что у нее на уме, хочет ли она продавать свои разработки, и если да, то кому. Обычно она ни с кем это не обсуждает, тем более – с банкирами.

– Хорошо, я постараюсь что-нибудь разузнать и перезвоню.

На часах было шесть утра. Спать уже не хотелось – видимо, давала о себе знать разница во времени. К тому же его сильно тревожил вчерашний арест Дайаны. От мыслей о ее возможных неприятностях саднило душу. Джек надел пушистый белый халат из номера и поднялся на лифте к бассейну Skywalk. В течение всего дня в этом месте было не протолкнуться – в основном от азиатских подростков, делающих селфи группами либо поодиночке. Но уж в шесть-то часов утра там должно было быть спокойно и относительно пусто. Но не тут-то было. Оказалось, что как минимум сотне постояльцев пришла в голову идея встретить восход солнца, наслаждаясь видом Сингапура с крыши отеля. Ретивая молодая, но уже совсем не худенькая китайка с грохотом плюхнулась в бассейн, чтобы раньше других занять место на фоне городской панорамы, обдав Джека и других окружающих неприятными брызгами. Чуть дальше по пояс в воде стояла компания из нетрезвых русских или украинцев. Похоже, они кутили всю ночь и к утру пришли в знаменитый бассейн, чтобы освежиться. Несмотря на удивительную красоту видов, Skywalk в жизни был далеко не так прекрасен, как на фотографиях в Instagram. Джек вздохнул, даже не стал окунаться в воду и с некоторым разочарованием вернулся в номер. На смартфоне его ждал неотвеченный вызов Дайаны, и он тут же набрал ее номер. В Бостоне был вечер предыдущего дня, еще не очень поздно. Странно, но голос любимой звучал так, словно они были не самыми близкими людьми, а скорее – едва знакомыми. Он едва узнал его.

– Джек, здравствуй. Как у тебя дела? У меня все хорошо. Мне передали, что ты звонил.

- Мне сказали, что ты провела сутки в ФБР. Что случилось?
- Ничего, у меня все в полном порядке. Как твой проект?
- Дайана, объясни, что происходит?

В этот момент в трубке что-то зашуршало, и связь прервалась. Нет, все точно не было в порядке. Почему она ничего не ответила про ФБР? Джек читал о том, что спецслужбы в особенно важных расследованиях превращают нужных им свидетелей в живые подслушивающие и, если надо, подглядывающие устройства. Угрожают им чем угодно, вплоть до многолетней тюрьмы, затем обвязывают их тела микрофонами, вставляют «жучки» во все используемые ими устройства связи. Неужели они сделали с Дайаной то же самое? Впрочем, если даже так, то у него есть способ обойти эту прослушку.

Билл, который полночи, по привычке, сидел за компом, тестируя программу, сейчас, в семь утра, звучал очень сонным – кажется, даже не вполне понимал, где он находится. Короткий рассказ Джека о происшедшем также оставил его в недоумении.

– Ну, она же сказала, что все в порядке. Может, ты просто себя накрутил.

– Мужик, с нашей программой мы ввязались в крайне сложную историю. Вспомни хотя бы странную смерть Дона. Боюсь, что серьезная игра только начинается.

– Что ты хочешь сделать?

– Надо отправить Дайане пароль для входа в программу. Никаких ключей, мы ничего никому таким образом не раскрываем, ей нужен только один пользовательский пароль. Надо попросить Миранду – ей я полностью доверяю – открыть на свое имя новый номер в скайпе. Затем мы пришлем Дайане пароль, зашифрованный нашим кодом. С этого номера она сможет общаться с нами сколько угодно – и эту переписку никто не расшифрует.

– Хорошо, я поговорю с Мирандой. А теперь дай мне еще поспать, меня тошнит от усталости.

Джек знал, что на слово Билла можно положиться. Сегодня же вечером, когда в Бостоне будет утро, он сможет наконец узнать, что на самом деле произошло.

Отложив решение одной проблемы, Джек тут же переключился на другую. Утренний звонок. Видимо, отец и вправду отчаянно нуждался в его помощи, иначе вряд ли бы позвонил. Нет, Джек не сомневался в том, что отец его любит, даже несмотря на то, что он когда-то так легко расстался с семьей, встретив учительницу из провинции. Возможно, мама, с головой ушедшая в науку в лучшее время их молодости, не давала ему ощущения тепла, уюта семейного очага, столь необходимого любому мужчине. Он также знал, что, кроме него, у отца так и не было других детей. Почему же он тогда звонил так редко? Возможно, это была смесь гордости и психологии банкира. Отметать любую сентиментальность, подчинить все успеху, заключению сделок и зарабатыванию денег. Родственные чувства? Лишняя, неоправданная трата сил и времени. Интересно, а что останется у него потом на душе, кроме накопленных на пенсию и спокойную старость миллионов? И стоит ли всю жизнь гнаться за деньгами, которые все равно потом не унести с собой в могилу? После вычета налогов что-то достанется наследникам, которые и спасибо не скажут. Воспримут как должное и все равно всегда будут вспоминать тебя только как скупого, строгого родителя, которого в детстве, то есть времени, когда они больше всего в тебе нуждались, они толком и не видели. В последнее время у богачей всего мира вошло в моду завещать свое состояние на благотворительность. Этого Джек тоже до конца не понимал. Что же им тогда мешало заниматься благотворительностью самим, при жизни? Ведь тогда они сами могли бы определять, куда жертвовать средства. А так это решают за них непонятные фонды, содержащие большой штат сотрудников, которые в конечном счете скорее вредят, чем помогают тем, кому их средства адресуются. Например, гуманитарная помощь (обычно просроченными) продуктами питания африканским странам десятилетиями не давала развиваться их собственному сельскому

хозяйству. Ладно, достаточно философии. «Это мой отец, и я должен постараться помочь», – подумал Джек.

В холле отеля на фоне толпы шумных китайцев он увидел Майкла, который что-то сосредоточенно писал на своем планшете, сидя в кресле. В институте они редко общались, но сейчас Майкл был самым близким ему по профилю исследователем из биологической части их команды. Он работал на стыке молекулярной генетики и информационных технологий: писал алгоритмы чтения последовательностей генов в цепочках ДНК, создавал трехмерные визуализации микроскопических процессов в живых организмах в высоком качестве разрешения. Джеку было интересно узнать мнение Майкла о так поразившей всех вчерашней демонстрации возможностей виртуальной реальности. Но Майкл отреагировал скептически:

– Да, девчонки визжали в этих очках, но на самом деле – ничего сверхъестественного. Все тот же закон Мура об удвоении мощности компьютерных вычислений каждые два года. Как ты знаешь, этот закон работает уже полвека. Все большая четкость картинки, все более быстрый отклик на повороты головы, все лучшая цветопередача, воздействующая на зрительные нервы. Но пока это все равно – игрушки. Вот когда виртуальная реальность позволит не только пугать людей, как вчера, а выполнять важные задачи, например проводить хирургические операции на расстоянии в полмира или полноценно обучать людей вне стен университетов, тогда и поговорим. Я как раз сейчас работаю над некоторыми из таких алгоритмов. Хотя, конечно, для большинства, – он кивнул в сторону группы стоявших в очереди у рецепции молодых людей, уткнувшихся в свои гаджеты – игрушки все равно важнее. И они их получают: скоро каждый второй будет ходить по улицам прямо в виртуальных очках.

– Ты прав. Знаешь, мне нужно пообщаться со Сьюзен Макдоннел. Это ведь она вчера была на вашей встрече от Биополиса?

– Нет проблем. Можешь увидеться с ней сегодня же. Она обещала сделать нашей команде экскурсию по своим чудо-лабораториям. Мне даже показалось, что Сьюзен заприметила Шэрон себе в помощницы – сам знаешь, что с местными сотрудниками общаться не так просто, культурный барьер еще никто не отменял.

Майкл с его рассудительностью и спокойствием в любых ситуациях очень импонировал Джеку. Они могли бы хорошо поработать вместе над каким-нибудь проектом.

Джек позвонил Шэрон, предложив ей после завтрака погулять в «Садах у Залива». Так назывались два огромных белых купола, еще одно из «чудес» Сингапура. Внутри этих сфер были идеально воспроизведены экосистемы африканской саванны и южноамериканского влажного тропического леса. Поначалу Шэрон держалась холодно (видимо, из-за их вчерашнего свидания, оставшегося лишь дружеским), но постепенно разговорилась. Как биологу ей было интересно увидеть все эти экзотические растения под куполом, но, как и любая девушка, она не особенно любила гулять по достопримечательностям одна – поэтому была благодарна Джеку за компанию. В «Садах» их особенно впечатлили огромные баобабы с широченными круглыми стволами, которые росли как в настоящих джунглях. Шэрон тут же решила, что в следующий свой отпуск она полетит на Мадагаскар, чтобы посмотреть там на целые леса этих необыкновенных деревьев.

Сьюзен Макдоннел встретила гостей из МТИ в своей лаборатории в Биополисе примерно в час дня. Она была одета в голубой халат, ее шею облегал полуспущенная маска. Разговаривая, она то и дело поднимала руки в таких же голубоватых перчатках, словно по какой-то профессиональной привычке активно жестикулируя ими. Сьюзен недавно исполнилось сорок лет: она была высокой, худой, немного суховатой, со светлыми крашеными волосами. Она выглядела бы моложе своего возраста, если бы не массивные темные мешки под глазами – следствие работы по четырнадцать-

шестнадцать часов в день почти без выходных на протяжении многих лет.

– Перед тем как мы зайдем в нашу лабораторию, вам нужно подписать бумагу соглашения о конфиденциальности. Таковы процедуры: интеллектуальная собственность – главное достояние Сингапура. Заходя сюда, вы обязуетесь никому не раскрывать, что вы здесь увидели и узнали, иначе на вас обрушится вся местная судебная система. Сожалею, но таковы правила.

После формальных процедур Сьюзен вплотную подошла к стене у двери, приблизив лицо к какому-то датчику.

– Считывание структуры радужной оболочки моих глаз. Она даже еще более индивидуальна у каждого человека, чем отпечатки пальцев. Абсолютно надежная технология защиты доступа, – пояснила ученая.

Джек почему-то вспомнил эпизод из голливудского боевика, в котором злодей убил ученого и затем открыл дверь, поднеся вырезанный глаз убитого к датчику. Но вслух он, конечно, об этом не сказал. Любая технология защиты имеет свои «дыры». Кроме их шифра.

Когда двойная дверь открылась, а посетителей еще и просканировали, как в аэропорту, их взору открылась самая огромная биологическая лаборатория, какую они только видели. Она занимала целый этаж здания и состояла из нескольких очень просторных помещений.

В одном из них стояло множество клеток с подопытными грызунами, а также сложный длинный лабиринт, по которому их заставляли бегать в ходе экспериментов. В другом – находились сотни стеклянных сосудов, в них хранились всевозможные виды бактерий и вирусов. Третье помещение было похоже на полукруглый кинозал с целой сетью компьютеров вокруг экрана: здесь, очевидно, применялись технологии визуализации биологических процессов.

– Мы работаем сразу над несколькими важнейшими темами. Борьба с самыми распространенными видами рака – например,

женским раком молочной железы, который, несмотря ни на какой прогресс, продолжает уносить огромное количество жизней, причем чаще всего еще довольно молодых женщин. Во-вторых, вакцина от малярии, до сих пор убивающей два миллиона африканцев каждый год, в основном детей с ослабленной иммунной системой. Уже только эти две темы могли бы занять целую армию исследователей на многие годы. Но наш главный объект изучения – это технологии продления жизни.

Шэрон, жадно ловившая каждое слово госпожи Макдоннел, не утерпев, вставила реплику:

– В мире столько богатых, ну просто сказочно богатых людей. Меня еще в детстве удивляло: свои миллиарды им же не унести в могилу. Значит, они должны вкладывать их в разработку лекарств, чтобы продлить себе жизнь как можно дольше, иначе зачем вообще им богатство?

– Согласна, это было бы логично, но на самом деле по-настоящему крупные частные инвестиции в исследования процессов старения в мире потекли лишь недавно. Почему миллиардеры не вкладывались в это дело раньше, я и сама объяснить не могу. Может быть, не верили в успех, в то, что еще при их жизни ученые успеют создать чудо-таблетку, продляющую жизнь. А может быть, наоборот: виноваты как раз мы, медики, веками твердившие, что старость неизбежна и что ее физиологически никаким образом не отсрочить.

– Так что же, уже родился первый человек, который проживет двести лет?

Джек не удержался от иронии, хотя это тема его всегда всерьез интересовала.

– Скорее нет, чем да. Человек и так как биологический вид живет необыкновенно долго по меркам его природы. Теплокровные млекопитающие из отряда приматов, к которым, как считает наука, принадлежит человек, исходя из таких наших показателей, как масса тела, частота сердцебиения, скорость пищеварения, должны бы жить максимум сорок – сорок пять лет, а на самом деле мы

живем вдвое дольше. Говоря откровенно, загадка – скорее то, почему мы живем так долго, а не почему так мало. Возможно, это как-то связано с высоким уровнем развития человеческого мозга. Что именно вызывает старение организма, тоже до сих пор доподлинно не известно. Лет двадцать назад была очень популярна теория свободных радикалов. Мы дышим кислородом, который является химически агрессивным элементом, окислителем. Часть вдыхаемого нами кислорода остается в организме в виде токсичных элементов – радикалов. То есть человек, почти как металл, как бы ржавеет изнутри с каждым годом. Но потом нашлось много экспериментальных возражений против данной теории, и она ушла на второй план. Сейчас основной гипотезой является генетически запрограммированное старение. Так же как в наших генах заложено развитие из эмбриона в момент зачатия во взрослую особь с пиком всех жизненных функций в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, в них запрограммировано и постепенное угасание организма после этого пика. Вот только где и как это старение записано в наших генах, мы до сих пор, даже расшифровав весь человеческий геном, понятия не имеем. Ничего похожего на программу самоубийства в геноме человека нет. Ну и, наконец, самая актуальная сейчас теория, хотя догадки об этом были сделаны еще лет сто назад, – это укорочение теломер. В клетках человека есть такой фермент – теломераза. Благодаря ему на концах наших клеток есть очень важные для них «хвостики» – что-то вроде застежки-молнии на куртке. С их помощью клетка закрыта и защищена. К сожалению, при каждом делении длина этих хвостиков уменьшается. К старости теломеров почти не остается, клетки становятся беззащитными и распадаются. К сожалению, самый легкий, казалось бы, путь решения этой проблемы не работает. Если для «омоложения» организма вводить в него фермент теломеразы извне, то клетки человека сразу преобразуются в раковые. Таким методом жизнь человека можно только резко укоротить, а не продлить. Одним словом, чем больше ведущие ученые занимаются

проблемой старения, чем глубже проникают в его процессы, тем все более сложными и запутанными эти процессы кажутся. У многих, если честно, после долгих лет исследований руки опускаются.

– А в чем состоит ваша прорывная теория?

– Мы активно исследуем человеческие клетки, а именно – их митохондрии. Это такие сложные энергетические станции внутри клеток, как бы их главные двигатели. Это митохондрии «съедают» почти весь вдыхаемый нами кислород, именно они убыстряют или замедляют обменные процессы внутри клеток. С годами митохондрии как бы выдыхаются, все более вяло и даже безразлично занимаются этой самой регулировкой процессов, из-за чего в клетках постепенно возникают внутренние воспаления, которые затем приводят к дегенеративным процессам. В конечном итоге клетка без достаточного количества энергии перестает делиться и превращается просто в комок биологического мусора. Когда таких клеток в организме накапливается слишком много, человек мгновенно угасает. Внешней причиной смерти при этом может быть что угодно: инфаркт, инсульт, болезнь Альцгеймера, онемение тканей и так далее.

– И вы можете как-то повлиять на этот процесс?

– Да, мы изобрели и уже даже получили положительные результаты испытаний препаратов для омоложения и стимулирования митохондрий. Это не только инъекции – это целая система разных процедур, которые у человека могут занимать от полугода до нескольких лет. Старые подопытные мыши с раком в последней стадии, которые должны были бы умереть в считанные дни, после инъекций препарата в половине случаев полностью вылечиваются, а продолжительность жизни обычных здоровых мышей растет как минимум в два раза. Еще ни один препарат в истории медицины не давал такого ярко выраженного и клинически подтвержденного эффекта.

– Вы запатентовали его?

– Это не так быстро делается. Во-первых, надо тщательно оформить результаты исследований. Затем определить доли заслуги в этом изобретении меня лично, моих ключевых ассистентов и, конечно, сингапурского правительства. Думаю, юридическая часть займет месяца три, не меньше.

– А вы применяете эти препараты на себе? – Вопрос Джека привел Сьюзен в секундное замешательство.

– Вообще-то да. Я очень физически устаю от всей этой работы, и мне необходимо дополнительное восстановление. Мои анализы, которые я сделала на днях, после двухмесячного приема препаратов, показали значительное улучшение состояния моего организма. И это только начало.

– Значит, люди с этим препаратом и вправду начнут жить по двести лет?

– Не знаю. Природа человека невероятно сложна, и мы только приоткрываем первые завесы. Мы можем омолодить клетки, но затем окажется, что природа приготовила нам еще очередную ловушку, не давая отдельной человеческой особи жить слишком долго. Мир устроен так, что поколения должны сменять друг друга. Пожил, завел детей, освободи место на планете – ведь ресурсы Земли далеко не беспредельны. Бессмертие или, скажем, жизнь длиной тысячу лет точно не достижимы – по крайней мере, биологическими методами. Но, с другой стороны, жить счастливо и абсолютно полноценно сто десять – сто двадцать лет, сохраняя здоровье и почти такой же уровень физической и сексуальной энергии, как в молодости, хорошо выглядеть до самого конца – вот это абсолютно реально. Думаю, что уже для наших детей.

Сьюзен вздохнула, улыбнулась и предложила пройти всем внутрь лаборатории. Больше полутора часов она описывала методы исследований, демонстрировала подопытных животных: активных, подвижных, со здоровой светлой лоснящейся шерсткой – ту самую группу возрастных мышей, которая резко помолодела после приема ее препаратов. Но, к некоторому удивлению гостей, методы

трехмерного моделирования биологических структур на больших экранах – то, что они, конечно, хотели увидеть больше всего, – она демонстрировать им не стала.

– К сожалению, на этот счет у меня жесткое предписание руководства Биополиса. Последние разработки компьютерного моделирования биопроцессов – это наше самое важное ноу-хау, я дала подписку о полном неразглашении информации из этой области.

В конце встречи Джек попросил Сьюзен поговорить один на один в ее кабинете и рассказал ей о звонке своего отца этим утром и интересе к ее работам со стороны американских фармакологических компаний и банков. Он ожидал увидеть любую реакцию ученой – гнев, просьбу не лезть в чужие дела, холодность, надменность. Но Сьюзен неожиданно взяла долгую паузу, несколько раз прошлась взад-вперед по кабинету и даже (что удивило Джека) нервно закурила электронную сигарету.

– Я знаю об этом. Е-мейлы из Америки скоро обрушат архив моего почтового ящика. Но если бы все было так просто – получаю нужные патенты, регистрирую компанию и продаю ее за миллиард долларов или, не знаю, сколько там они готовы выложить. Во-первых, я шагу не могу ступить без согласования с кураторами из местного Министерства науки. Но даже не это главная проблема. Есть вещь, связанная с этими препаратами, которую западной общественности лучше не знать. Точнее, не о самой этой вещи, а о том, как она проводится. Джек, ты похож на человека, которому можно доверять. Твой отец занимает достаточно высокий пост в JP Morgan, и можно ли с ним проконсультироваться приватно – так, чтобы это не всплыло в прессу?

– Да, конечно, гарантирую вам это.

– В таком случае поговорим снова через несколько дней. Я организую тебе поездку в Таиланд, в крупный медицинский центр, который находится в этой стране. Правда, о нем практически никто не знает. Мы с ним активно сотрудничаем. Можешь взять с собой

Шерон – кажется, она хорошая девочка и талантливый биолог. Когда вернетесь, обсудим все более обстоятельно.

Джек сначала хотел ответить, что такая поездка не входит в его планы – у него самого много дел в Сингапуре. Но затем он вспомнил почти умоляющий тон своего отца и лишь спросил:

– Что, мы должны лететь в Бангкок уже завтра?

– Да, сегодня до конца дня я свяжусь с тайскими коллегами, чтобы они встретили вас там.

– Хорошо. Думаю, что Шерон не будет возражать – она любопытная и к тому же, скорее всего, готова выполнить любую вашу просьбу.

Реакция Сьюзен и перспектива внезапной поездки удивили Джека. События развивались как-то уж слишком стремительно. По дороге обратно в отель, пока он размышлял об этом, на его смартфоне последовал вызов по системе скайп: через секунду на экране возникло лицо Ван Куна.

– Добрый день! Сегодня, к счастью, не так жарко, как вчера, будет легче акклиматизироваться. Как вам Сингапур?

– Очень впечатляет, если не сказать больше.

– Спасибо, я рад. Но сегодня вечером ваши впечатления станут еще ярче. Господин премьер-министр приглашает вас на получасовую неформальную встречу. Ему показали запись вашего выступления перед инвесторами, и оно господина Луна очень заинтересовало. Я заеду за вами в полседьмого вечера.

– Нас приглашают вдвоем с Биллом?

– Вы можете рассказать вашему другу о встрече, но господин премьер пока пригласил только вас.

– Хорошо, я буду готов... Конечно, если Билл не будет возражать, – добавил Джек после паузы, но Ван Кун к этому моменту уже отключился.

В гостинице Джек первым делом рассказал о разговоре с чиновником Биллу, но тот, ненавидевший церемонии, ответил, что доверяет Джеку и отпускает его на встречу с этим хитрым китайцем

с легким сердцем. Кроме того, Билл помнил о просьбе друга помочь разобраться с арестом Дайаны: выйти на связь с ней он как раз должен был вечером в это же время. Дайана втайне нравилась Биллу, как и многим другим их однокурсникам, еще и поэтому он искренне был готов ей помочь.

До встречи с главой страны оставалась еще пара часов, и Джек решил, что ему нужно соответствовать азиатскому дресс-коду: привычные джинсы и легкая рубашка казались не вполне подходящими данному случаю. Благо далеко ходить было не надо: длинные ряды бутиков с известными брендами одежды находились на подземном уровне отеля – достаточно спуститься на лифте. Покупателей в бутиках почти не было: сезон скидок миновал, а полная стоимость новых коллекций брендов была здесь даже выше, чем на знаменитой модной улице Rodeo Drive в Лос-Анджелесе. Джек решил не смотреть на ценники и выбрал то, что ему понравилось больше всего: изысканный темно-синий пиджак от Zegna с серебристыми пуговицами, отлично севший ему по фигуре, и светлые вельветовые брюки той же марки. Из зеркала в таком виде на Джека смотрел не студент, а холеный и уверенный в себе бизнесмен. Комплект стоил несколько тысяч долларов – таких дорогих вещей Джек себе никогда еще не покупал. Однако события разворачивались так, что мелочиться не приходилось.

Лимузин с Ван Куном за рулем подъехал с точностью до минуты. По дороге, сделав пару комплиментов Джеку по поводу его внешнего вида, чиновник, бывший еще вчера столь общительным и улыбчивым, теперь лишь сосредоточенно молчал.

Встреча с премьером происходила не в правительственном здании, а в небольшом зале для конференций в старейшем отеле города «Раффлз». У дверей отеля и внутри здания дежурили охранники в старинной белой национальной одежде, с высокими, похожими на индийские, головными уборами, что выглядело в ультрасовременном Сингапуре хоть и стильно, но непривычно.

Высокий дресс-код оказался излишним: сам премьер был одет почти по-домашнему: в светло-серые брюки из мягкой ткани и такую же светлую рубашку с короткими рукавами. Тон премьера, непринужденно владевшего английским, казался дружеским и располагающим:

– Хорошо, что вы пришли, Джек. Если бы у нас было больше времени, я бы сначала пригласил вас перекусить внизу, в баре этого отеля. Знаете, это очень уютное и при этом важное историческое место. В баре «Раффлз» подают лучшие в мире легкие алкогольные коктейли по секретным фирменным рецептам. Гости закусывают их отборными фисташковыми орешками, скорлупу от которых принято бросать прямо на пол, образуя кучу мусора. Так делали в этом баре Эрнест Хемингуэй, Джон Кеннеди, Мадонна и сотни других бывавших в нем знаменитостей. Представляете, в самом сердце Сингапура, где даже за выплюнутую на асфальт жвачку полагается огромный штраф, – и такая по-хорошему старомодная, раскрепощенная атмосфера.

До этого момента премьер казался Джеку приятным, интеллигентным человеком солидного возраста, всеми силами желавшим завоевать расположение собеседника. И лишь его буравящий взгляд говорил о том, что это лишь прелюдия к куда более серьезному разговору.

– Джек, я ознакомился с видеозаписью вашей вчерашней встречи почти сразу после того, как она закончилась. Меня заинтересовала ваша презентация. Сегодня утром я запросил мнения наших экспертов в области ИТ, и они ответили, что ваша идея – практически гениальна. Джек, правительству Сингапура нужна эта программа. Мы готовы немедленно заплатить за половинную долю в вашей с Биллом компании тридцать миллионов долларов. Если, конечно, вы раскроете нам все ключи к вашим шифрам и мы убедимся, что все работает надлежащим образом. Это очень щедрое предложение: если вы согласитесь, то очень скоро станете богатыми людьми. А наличие в вашем бизнесе такого солидного, крупного и

уважаемого партнера, как правительство Сингапура, только поможет вам: оставшаяся у вас половина акций при размещении на бирже Гонконга или Шанхая взлетит вообще до небес – вы сможете выручить за нее спустя пару-тройку лет, может быть, сотни миллионов. Вы ведь для этого и привезли сюда ваше изобретение: я не вижу никаких причин для вас не согласиться с нашим предложением.

Джек закусил губу. Партнерство пятьдесят на пятьдесят с таким могущественным партнером плюс раскрытие всех секретов и кодов означало практически полную потерю контроля над этим бизнесом. Деньги, конечно, очень привлекательные, но разве только в них было все дело? Они с Биллом в первую очередь хотели изменить мир, подарить свободу всем пользователям высоких технологий, а заодно и больно щелкнуть по носу любым диктаторам. А здесь все получается наоборот: один из таких восточных диктаторов, хоть и в красивом демократическом облики и с безупречными западными манерами, в эту самую минуту хочет единолично завладеть этой технологией. И, разумеется, совсем не для того, чтобы дать ее пользоваться всем желающим.

– Господин премьер, мы с Биллом приехали в Сингапур, чтобы рассказать инвестиционному сообществу о нашем изобретении, определить дальнейшие перспективы его развития. Вот так с ходу взять и продать его мы пока не собираемся. Спасибо за ваше действительно щедрое предложение. Но я вынужден ответить отказом.

Лицо Луна исказила острая, болезненная гримаса. От искреннего дружелюбия не осталось и следа.

– Подумайте еще раз. Посоветуйтесь с вашим партнером. Мне показалось, что вчера он очень расстроился, что упустил приз в пятьдесят тысяч. Что тогда он скажет о сумме с восемью нулями? У вас есть время завтра до вашего вылета в Бангкок.

– Откуда вы знаете?

Премьер лишь усмехнулся:

– Если бы вы знали о нашей стране чуть-чуть больше, то совсем не удивились бы. Мне даже не понадобилось устраивать лично за вами слежку. Ни для кого не секрет, что в Сингапуре работает единый национальный вычислительный центр, оснащенный целой сетью новейших компьютеров. Все действия каждого гражданина страны, то есть *абсолютно все действия* – вы понимаете меня как компьютерщик? – обрабатываются и отслеживаются в режиме реального времени. Допустим, мне нужно знать о некоем гражданине Чене. Я нажимаю на кнопку и тут же узнаю, на какую сумму и каких продуктов он купил сегодня в супермаркете себе на ужин, какие дома вечером просматривал телепередачи, кому звонил, о чем говорил, во сколько минут и секунд выключил свет в спальне. То же касается и иностранцев, хотя за обычными туристами особой слежки нет. Так вот я за десять минут до нашей встречи нажал на кнопку вашего досье и увидел, что помощница Сьюзен Макдоннел – прекрасная ученая, кстати, – заказала вам авиабилеты в Таиланд и обратно. Вы вылетаете завтра в полдень. Мое предложение и протянутая дружеская рука действительны только до этого времени, и ни минутой больше. Пожалуйста, обдумайте все как следует.

Аудиенция у премьера была окончена.

Вечером в номере у Билла, предварительно включив телевизор на музыкальном канале на максимальную громкость, Джек тихо и вкратце передал суть разговора своему другу. К счастью, Билл не стал биться в истерике по поводу денег, а лишь сказал, что им и вправду нужно все хорошо обдумать и точно не предпринимать никаких действий наспех. Билл решил полететь вместе с Джеком тем же рейсом в Бангкок. Во-первых, в другой стране они могли бы спокойно все обсудить без прослушки, во-вторых, он не хотел, чтобы на него начали давить, пока он оставался бы в Сингапуре один, без Джека. И, наконец, ему, как и шутила тогда в самолете Шэрон, и вправду нравились миниатюрные, тоненькие и нежные азиатские девушки. А в Таиланде, как известно, они особенно очаровательны.

Поздно вечером, когда Миранда передала ключ для защищенного обмена сообщениями с помощью шифра Дайане, подробности вчерашнего ареста выяснились. Дайана написала: «Я не знаю, были это настоящие сотрудники ФБР или нет. Внешность, манера общения, документы – все вроде бы у них было в порядке. Но меня привезли на допрос в машине с сильно затемненными стеклами в заброшенное непонятное место – это точно не был офис полиции или спецслужб. Они пытались меня запугать: сказали, что я должна следить за тобой и отчитываться обо всем, что ты рассказываешь мне о своей компании и программе. Если я откажусь сотрудничать, то тогда мою учебную визу объявят фальшивой и аннулируют, меня исключат из института и до конца жизни депортируют из США. Кроме того, они что-то намекнули на бизнес моего отца. Я не знаю, кто на самом деле эти люди, мне страшно. Дорогой, но ты знаешь – я тебя не предаю».

Джек и Билл, прочтя расшифрованное письмо, переглянулись. Тучи сгущались со всех сторон не по дням, а по часам. Их программа действительно оказалась блестящей научной находкой. Но слишком многие могущественные силы были заинтересованы в том, чтобы она не существовала.

Глава 7

Ничего личного, только бизнес

*Кёльн (Германия),
особняк барона Курта фон Шрёдера,
4 января 1933 года*

– Позвольте, я налью вам вина. Это «Лафит Ротшильд» урожая 1903 года – одно из самых изысканных красных вин, какие только можно найти во всей Европе. Хозяйева этого винного поместья прислали мне из Парижа в подарок несколько бутылок. Удивительно ровный, бархатистый вкус с тонким оттенком миндаля и фруктов. Оно идеально подходит к запеченному дикому кабану, которого нам скоро подадут.

Владелец особняка барон Шрёдер, несмотря на строй из двух десятков вышколенных официантов, обслуживающих торжественный ужин, без колебаний решил поухаживать за одним из своих высоких гостей лично.

На роскошный прием, проходивший без освещения в прессе в первые дни после Нового года, были приглашены лишь несколько высших лиц немецкой аристократии. Бароны и князья, внуки и правнуки бывших королей, герцогов и курфюрстов независимых больших и малых земель Германии, коих до объединения страны Бисмарком в конце 19-го века было множество. Со времени правления «железного канцлера» и до 1914 года Германия развивалась и двигалась к процветанию невиданными темпами: возможно, быстрее, чем любая другая страна за всю мировую историю. Однако в борьбе за колонии, а также в устоявшемся раскладе сил среди европейских монархий роль Германии оставалась намного более скромной, чем ее растущая экономическая и технологическая мощь. Императору Пруссии и всей Германии Вильгельму II, человеку амбициозному, энергичному и

решительному, так же как и его военным советникам, подобное положение дел казалось нестерпимым. В союзе с соседними Австро-Венгрией и Италией, вместе с немцами составлявшими костяк континентальной Европы, видя в этом свое божественное и историческое предназначение, Вильгельм решил раздвинуть границы своей страны силой как на запад, так и на восток. Учитывая разобщенность будущих врагов, эта задача казалась германским элитам вполне выполнимой, причем в короткие сроки – несколько месяцев.

Однако то, что началось лишь как локальный конфликт между Германией и Россией на Балканах за маленькую Сербию, вскоре превратилось в ужасающую, адскую бойню всемирного масштаба, длившуюся четыре года и унесшую жизни десятков миллионов людей. Германия эту войну проиграла и была в соответствии с подписанным странами-победительницами Версальским договором растерзана на части, унижена во всех смыслах и обложена непосильным бременем репарационных выплат.

Существовавшая в 1920-х годах Веймарская республика каждый год сотрясалась восстаниями, забастовками, старая немецкая марка полностью обесценилась, экономику лихорадило. Единственным источником средств для развития крупных немецких заводов, которые все-таки работали, несмотря ни на что, были частные кредиты крупных американских банков. Наиболее влиятельным среди них был банк JP Morgan, интересы которого в Германии представлял самый уважаемый и порядочный немецкий банкир «новой волны» Ялмар Шахт, будущий глава Рейхсбанка. Интеллигентный, худощавый, чуть стеснительный, в очках с тонкой оправой, он свободно владел английским и на этом приеме был, скорее, похож на представителя гостевой делегации из туманного Альбиона. Сама эта встреча была организована во многом по его инициативе. К концу 1932 года объем долгов Германии и ее ведущих промышленных концернов заокеанским банкам составлял астрономическую по тем временам сумму в миллиарды долларов.

Положение сильно осложнялось тем, что с 1929 года мир вступил в глубокий, затяжной кризис: промышленное производство во всем мире падало третий год подряд, спрос на немецкое оборудование, сталь и уголь был крайне низким, поэтому обслуживать долги страна физически не могла. Однако никто не сомневался в громадном потенциале немецкой промышленности и технологий, ценность которых должна была резко вырасти, как только мир вступит в очередную фазу роста. В этом и состояла суть переговоров: германская элита предлагала американским и английским банкирам доли в самых крупных и перспективных немецких компаниях и прямое участие в их будущих прибылях в обмен на отсрочку выплаты всех старых долгов на пять лет, а также получение немцами столь необходимых им новых западных займов.

Кроме нескольких влиятельных аристократов и финансистов на кёльнский прием барона Шрёдера (который, к слову, сам был владельцем крупного банка) от германской стороны были приглашены и двое набирающих популярность в стране политиков. Германия начала 1930-х была типичной парламентской республикой: от соотношения голосов депутатов по тому или иному вопросу в бундестаге в стране зависело если не все, то очень многое. Оба этих политика специально прилетели днем на небольшом самолете из Мюнхена, не побоявшись накрывшего с самого утра весь запад Германии густого тумана. После всех пережитых ужасов войны, разрухи и революций в немецкой политике того времени трудно было найти человека, который бы хоть на секунду задумался о такой ерунде, как риск столкновения в тумане его самолета с горой или шпилем Кёльнского собора.

Оба гостя казались по-немецки мужественными, крепкими людьми, хотя внешне разительно отличались. Один, высокий, широкоплечий, безукоризненно одетый, с благородной проседью и пышными усами, манерами был похож на лучших немецких аристократов. Это был глава бундестага – Франц фон Папен. Политик, дипломат, богач, баловень судьбы, он одаривал

окружающих беспрестанными белозубыми улыбками и галантно и непринужденно поддерживал любую светскую или политическую беседу. Его спутник поначалу казался лишь какой-то его бледной, бессловесной тенью. Это был лидер влиятельной Рабочей партии, имевшей много мест в парламенте, в последнее время его имя часто звучало в прессе. Но в лицо почти никто из присутствовавших, кроме хозяина особняка, его не знал. Единственный из всех он был одет не во фрак, а в скромную шерстяную кофту без рукавов, под которой были белая рубашка и серый галстук. Кажется, фрака он не надевал еще ни разу в жизни, так как попросту не имел. На этом элитном собрании он чувствовал себя совершенно не в своей тарелке: едва войдя, он тут же попросился в уборную, где, видимо, долго проверял свой внешний вид, затем, присаживаясь в кресло, неловко споткнулся о его ножку. Сев за стол, он зачем-то несколько раз потеревил нож и вилку, переложил ближе к себе салфетки, затем, отказавшись от помощи официанта, положил себе на тарелку немного зеленого горошка и спаржи и налил в бокал воды. Лишь после этого он хмуро поднял взгляд из-под густых бровей, по очереди всмотревшись в лицо каждого гостя за столом, словно пытаясь составить про себя досье на каждого из них.

Заметив чрезмерную зажатость и неловкость второго мюнхенского гостя, опытный в светских ритуалах барон Шрёдер поспешил как радушный хозяин прийти ему на выручку, предложив бокал самого изысканного красного вина. Но тот неожиданно сделал резкий, нетерпеливый жест рукой:

– Спасибо, не надо. Пива я не пью уже давно, а вино и не пил никогда. Мяса я тоже не ем, тем более красного. Как и табак, это просто яд для организма. Я буду только овощи, – он кивнул на содержимое своей тарелки.

– Что ж, тогда я дам указание шеф-повару приготовить для вас что-нибудь вегетарианское. Его жена, кстати, тоже не ест мясо, поэтому он знает рецепты многих отличных вегетарианских блюд.

Резкость ответа мюнхенца и даже сам его сухой голос и неприятный просторечный выговор то ли с южнобаварским, то ли с североавстрийским акцентом покоробили гостей, хотя никто, конечно, не подал вида. Это был человек совершенно не их круга, но с недавних пор с такими людьми сильным мира сего также надо было всерьез считаться. На этом приеме он как бы олицетворял дух германских улиц, без конца бурливших и то и дело возносивших на самый верх весьма странных личностей и лидеров. Еще вчера таким лидером толпы был бывший полуграмотный гамбургский грузчик и разнорабочий, ставший главным немецким коммунистом, – Эрнст Тельман. Сегодня этот странный вегетарианец, национал-демократ, похожий на нервного писателя, которому уже год как не платили гонораров, завтра будет или оголтелый головорез, или снова коммунист. Но с ними элите, особенно после успеха русской революции, надо было считаться и тонко и искусно договариваться. К тому же Шрёдер давно был лично знаком с ним, в том числе не раз оказывая его партии финансовую поддержку. В этом бывшем ефрейторе Первой мировой, несмотря на неказистую внешность, таилась мощная животная сила, точнее, воплощение безудержной ярости – той самой ярости, которая наполняла всю Германию со дня ее позора в войне и растерзания странами-победительницами.

Главное блюдо задерживали, так как главные гости вечера запаздывали, но должны были прибыть с минуту на минуту.

Наконец, двери распахнулись и в зал вошли несколько человек в смокингах в сопровождении obsługi и переводчиков. Англо-американская банковская делегация должна была прилететь в Кёльн из Парижа еще рано утром, но рейс из-за погоды отменили, и они добрались в Кёльн на поезде лишь поздно вечером. Главным в ней был Норман Монтегю, уже много лет управлявший Банком Англии. Это была весьма колоритная, отчасти даже экстравагантная личность – в душе он считал себя, скорее, человеком искусства, чем бизнеса, и даже в свои шестьдесят больше походил на успешного художника или театрального режиссера: носил приталенные

костюмы, небольшие круглые шляпы и белые шелковые рубашки свободного покроя с неременной бабочкой на шее. В его устах всегда была готова тонкая британская острота в любой ситуации. В роли главного английского банкира его образ, особенно в ту эпоху, был столь непривычен, что несколько лет назад в империи его даже признали «человеком года». Монтегю был «смотрящим» за всеми частными английскими банками, поставленным на этот пост банкирским домом Ротшильдов – считалось, что он исполняет свои обязанности не только профессионально, но и артистично, имея «свежий» взгляд на любую проблему. В этот вечер он единственный в делегации представлял Британию – несколько его намного более молодых спутников были американцами. Среди них выделялись двое братьев Даллесов. Джон Даллес был главным юристом банка JP Morgan, а его светловолосый, в очках, младший брат Ален – его заместителем. Вскоре Ален Даллес сменит адвокатскую практику на дипломатическую карьеру, а спустя двадцать лет на посту директора ЦРУ станет главным идеологом «холодной вой-ны». Кроме Даллесов Нормана Монтегю сопровождали трое относительно молодых финансистов, также из банков с Уолл-стрит, но их имена, как и лица, никому ничего не говорили. Стоит отметить лишь, что одного из них звали Прескотт Буш: спустя много лет его сын и внук будут президентами США.

В свойственной ему артистической манере Монтегю галантно, но не без доли иронии раскланялся с хозяином особняка, почти потечески приобнял Шахта, с которым был давно знаком, учтиво поприветствовал немецких аристократов:

– Я знаю, вы специально придумали этот туман, чтобы мы опоздали и вы успели тут без нас обо всем договориться! Ну ничего, завтра утром небо по прогнозу должно проясниться, и мы снова будем на равных!

Пожимая руку фон Папену, Монтегю тут же сбросил с себя шутовливость, склонил голову и сказал:

– Премьер-министр господин Макдональд в курсе нашей встречи, просил передать вам его глубочайшее почтение!

Затем он с обаятельной улыбкой обратился к неприметному человеку в шерстяной кофте, сидевшему с краю стола. Заочно они, разумеется, знали друг о друге, но виделись впервые.

– Норман Монтегю, Банк Англии, к вашим услугам!

Тот нервно поднял глаза на англичанина и тут же опустил их.левой рукой он притронулся к подбородку, чуть потеревил аккуратный короткий ус над верхней губой и, наконец, сухо отчеканил:

– Гитлер. Адольф Гитлер. Национал-социалистическая рабочая партия. Рад знакомству.

Деньги и политика

Подняв бокал, фон Папен предложил тост от принимающей стороны:

– За взаимопонимание, дружбу, выгодный бизнес и правильную химию наших отношений!

Зарубежные гости одобрительно заулыбались, над столом весело зазвенели бокалы. Последняя фраза тоста была удачной: речь шла об огромном совместном бизнесе американцев и немецких промышленников. В 1925 году шесть крупнейших химических предприятий Германии – Bayer, Hoechst, BASF и другие – объединились в суперконцерн IG Farben, на который приходилось до трети всего германского экспорта. Формально он принадлежал правительству Германии и частным промышленникам. На самом деле контрольный пакет его акций еще пару лет назад, в самый разгар разрушительной экономической депрессии, был тайно продан американской корпорации «Дюпон» и все тому же банку JP Morgan: без их кредитов концерн бы уже давно просто рухнул.

Разумеется, мировая общественность об этой сделке узнала лишь десятилетия спустя.

– Наши заводы помимо обычной химии могли бы производить также и немало первоклассной военной продукции. Но мы связаны по рукам и ногам жесточайшими ограничениями в военной сфере. Могут ли германцы надеяться на их смягчение или даже полную отмену?

Монтегю, как всегда, был дипломатичен:

– Для этого разговора нужны дипломаты и представители Лиги Наций, которых сейчас здесь нет. Но я уверен, что любые полезные и разумные вещи в жизни, включая отмену искусственных барьеров, всегда могут случиться. Многое – в ваших собственных руках, господ.

Насладившись пристальным вниманием и интересом немцев, он продолжил:

– Однако, прежде чем мы предметно сможем обсуждать это, нам необходимо удостовериться, что все дела и финансовые потоки концерна находятся в надежных руках. От лица наших американских спонсоров, а также британского капитала и лично господ Ротшильдов я вношу предложение назначить главным руководителем IG Farben вашего же немецкого финансиста Макса Варбурга. Его старший брат Пол, трагически скончавшийся от пневмонии в Нью-Йорке прошлой зимой, стоял у истоков американской Федеральной резервной системы и всегда был непререкаемым авторитетом в банковском мире Нью-Йорка. Макс – тоже отличный специалист и верный продолжатель дела своего брата.

Над столом повисло напряженное молчание. Человек в шерстяной кофте зло посмотрел на Монтегю, несколько секунд собирался с духом, наконец, резким жестом сорвал с шеи салфетку и громко заговорил, почти закричав во весь голос:

– Евреи привели великую Германию к краху! Это они предали нас в конце Великой войны, когда победа над французами уже была у

нас в руках! Когда я валялся в госпитале с контузией от вражеского химического снаряда, я каждое утро просыпался и ждал известие о нашей победе, а вместо этого узнал о капитуляции! До сих пор не могу поверить! Это евреи своими вечными кознями затуманили разум императора! Тысячу лет от этого мерзкого народца нет покоя Европе. Еще в тюрьме я написал об этом книгу, которую сегодня раскупает и читает уже вся Германия! Я изгоню их из Европы, а если они будут сопротивляться, то раздавлю как крыс или насекомых – и весь доблестный, честный немецкий трудовой народ поддержит нас в этом!

У молодых американцев от этой короткой, но пламенной речи отвисла челюсть, но опытный Монтегю смог удержать себя в руках:

– Не существует «евреев вообще». Есть конкретные люди. Хорошие или плохие, честные или подлые, талантливые или никчемные. Я говорю о конкретном человеке, прекрасном специалисте, профессиональные качества которого должны по всем пунктам устраивать обе стороны.

Человек в кофте угрожающе привстал, его большие, слегка навыкате голубые глаза буквально вперились в собеседника:

– Мистер банкир, а теперь послушайте меня внимательно. Я контролирую треть парламента, и завтра же через него об истинных хозяевах IG Farben узнает весь мир. Далее, я могу сегодня же ночью вывести на улицы всех немецких городов целые армии хорошо натренированных вооруженных людей. К моему мнению вам следует очень внимательно прислушаться, если вы не хотите огромных неприятностей. Евреям не место в новой Германии, запомните это.

Хозяин поместья попытался что-то вставить в разговор, чтобы как-то сгладить его, но Монтегю жестом попросил его не вмешиваться. Он лишь вынул из кармана записную книжку.

– Герр Гитлер, при всем уважении, теперь вы послушайте меня внимательно. Я сейчас напишу записку и попрошу срочно передать

ее по телеграфу. С завтрашнего дня финансирование вашей партии прекращается. Шестьсот тысяч ваших бездельников, которых вы называете штурмовыми отрядами или коричневорубашечниками, навсегда перестанут получать зарплату. Через вашего партнера Рема все эти люди узнают, что виноваты в этом вы лично. Он, разумеется, им с удовольствием об этом расскажет, у вас же с ним «высокие» отношения? А теперь угадайте, кого штурмовики первым заколют до смерти своими знаменитыми длинными кинжалами?

Гитлер попытался возразить, но банкир спокойно продолжил:

– Президент Гинденбург – полностью в наших руках. Из него уже песок сыплется от старости, вероятно, он скоро уйдет в мир иной, поэтому он готов подмахнуть любую бумажку, которую мы положим ему на стол по нашим каналам не позднее конца этого января. Это может быть приказ о вашем повышении, герр Гитлер, а может – и о вашем немедленном аресте. И для того, и для другого оснований, как вы понимаете, более чем достаточно. Одним словом, герр Гитлер, оставьте, пожалуйста, вашу расовую белиберду для блестящих выступлений перед толпами баранов. Они у вас прекрасно получают. Но только не здесь. Мы со своей стороны гарантируем вам полную поддержку во всем и не накладываем на вас никаких ограничений. С одним, но непременным условием: если вы будете во всех вопросах бизнеса, я подчеркиваю это – бизнеса, вести себя как разумный деловой человек. Итак, если больше нет возражений, считаю кандидатуру Макса Варбурга на пост главы IG Farben утвержденной.

Воцарившуюся гнетущую тишину нарушил фон Папен:

– Какие еще вопросы хотели бы обсудить наши гости? Запеченный кабан был великолепен, и я предлагаю всем выбрать что-то из местных нежнейших десертов, а также закурить сигары.

Джон Даллес заговорил от имени делегировавшего его банка:

– Господин Генри Форд просил передать, что он по-прежнему полностью поддерживает идеологию национал-социализма и с удовольствием готов продолжать взаимовыгодное сотрудничество с

компанией Daimler-Benz, в том числе помогать внедрять на немецких автомобильных и, возможно, будущих военных заводах новейшие технологии конвейерной сборки. Он также просил передать теплый, дружеский привет вам лично, герр Гитлер.

Вождь НСДАП в ответ слегка кивнул. В разговор вступил финансист из Банка Нью-Йорка, принадлежавшего семье Рокфеллеров:

– Господин Рокфеллер ищет новые рынки сбыта американской нефти по всему миру. Мы не можем продавать нефть Германии напрямую, так как конгресс США заподозрит, что она будет использоваться в военных целях. Поэтому мы разрабатываем сложную цепочку поставок вам нашего топлива через нейтральные европейские страны – возможно, Швейцарию или Испанию. С учетом резко растущей потребности экономики Германии в нефти полагаю, что детали этой сделки мы с вами сможем уладить.

Ему поторопился ответить Ялмар Шахт:

– Да, разумеется. Нам это очень интересно, но, полагаю, данный вопрос можно обсудить отдельно.

В комнату принесли роскошный торт, коньяк полувековой выдержки и несколько коробок сигар.

Человек в шерстяной кофте теперь, в конце приема, уже совершенно не казался скромным, неприметным и уж тем более чьей-то тенью. Теперь его силуэт приковывал взор каждого, чем-то напоминая скорбного, чуть сторбленного Мефистофеля из бессмертной пьесы Гёте. Маленький, до смерти обиженный судьбой человек, который мечтает теперь возвысить один народ, втопав для этого в землю миллионы невинных людей. Возможно, ему просто был нужен высококлассный психотерапевт. Но сказать об этом вслух никто не решался.

Гитлер, которому был невыносим и этот разговор, и этот тщеславный, самоуверенный англичанин, и даже сам дым сигар, быстро окутавший комнату, молча встал из-за стола и процедил на прощание лишь короткую фразу:

– Я жду декрет Гинденбурга о назначении меня рейхсканцлером не позднее чем через месяц. Иначе все, о чем здесь говорилось, не стоит и старого дырявого пфеннига.

Зло возрождается из пепла

Банкиры ФРС сдержали свое обещание. Ведь для них это был прежде всего выгоднейший долгосрочный инвестиционный проект, который обещал окупиться в десятки, а то и сотни раз всего лишь за несколько лет.

В конце января 1933 года престарелый президент Гинденбург по «непонятным» историкам до сих пор причинам своим указом снял с должности рейхсканцлера своего старинного друга, генерала, героя Первой мировой и назначил на нее Гитлера, с которым у него были весьма сложные личные отношения.

Новый руководитель страны действовал очень быстро и решительно. Уже через месяц руками своих штурмовиков он организовал ночной поджог Рейхстага. Здесь он в точности повторил действия другого знаменитого полубезумного тирана – Нерона, использовавшего пожар Рима для масштабных гонений на христиан. Гитлер точно так же обвинил в поджоге коммунистов и утром того же дня подписал два объемных декрета (как их успели подготовить?) о «защите нации», которые мгновенно перевернули с ног на голову весь конституционный строй Германии. Они отменяли свободу слова, прессы, собраний и митингов, разрешали прослушку телефонов и цензуру почтовой переписки. Еще через пару недель, в марте, под аплодисменты почти всего немецкого общества, которым уже всю манипулировал Геббельс, был принят закон о чрезвычайных полномочиях рейхсканцлера, позволявший ему предпринимать «во благо нации» любые действия, даже если они противоречат конституции и вообще любым законам страны.

В мгновение ока, всего за несколько недель Адольф Гитлер превратился из мало кому известного оппозиционера и лидера одной из многих немецких партий в абсолютного диктатора крупнейшей страны Европы.

Почему мировое банковское сообщество сделало ставку на него? Прежде всего оно было заинтересовано в быстром росте германской промышленности, в которую за предыдущие десять лет было тайно вложено столько западных капиталов. Бесконечная политическая неразбериха в смертельно надоевшей всем, и немцам в первую очередь, Веймарской республике (убогом, неполноценном образовании в сравнении с бывшей империей) была главным препятствием этому росту. На первых порах – как минимум в первые четыре года своего правления – Гитлер в глазах западного экономического сообщества проявлял себя как жесткий, последовательный руководитель, всемерно способствовавший росту промышленности и крупных концернов. В то же время проводимые им кровавые чистки и репрессии касались пока лишь тех групп населения, до которых западным банкирам не было особого дела – немецких коммунистов и соперников Гитлера внутри его собственной партии. Его риторика в отношении евреев была жесткой, но пока все ограничивалось лишь призывами им покинуть страну и ограничением ряда их гражданских прав: о тотальном уничтожении в тот момент еще не было и речи. И даже в 1938-м, когда Гитлер уже явно переступил черту, аннексировав Австрию и часть Чехословакии, американские промышленники, хотя и с большей осторожностью, продолжали широко кредитовать его, в том числе военные предприятия, а журнал Time безо всякой иронии признал его «человеком года».

И лишь в 1939-м и 1940-м, когда Гитлер, вопреки всем увещаниям Запада, напал на Польшу, а затем осуществил и реваншистскую мечту своей жизни, покорив ненавистную Францию, причинившую ему лично столько физической и душевной боли в

Первую мировую, Запад наконец осознал, с каким безумным, неконтролируемым и беспринципным зверем он имеет дело.

В том же 1938-м произошло мелкое событие, на которое историки будущего почти не обратили внимания. Макс Варбург был снят Гитлером с поста главы IG Farben, ставшей к тому времени ключевым элементом всей немецкой военной машины, и с позором выдворен из Германии. А между тем именно этим жестом диктатор дал понять всему западному деловому миру, что он рвет с ним всякие связи и отныне готов опираться только на собственные силы. Во время войны IG Farben в том числе производила отравляющий газ «Циклон», с помощью которого были уничтожены миллионы узников концлагерей. В 1940-м Гитлер напал на Англию – он рассчитывал поставить ее на колени одними лишь силами своих непобедимых, как считалось, люфтваффе. Однако его операция «Морской лев» с треском провалилась. Доблестные британские пилоты и силы противовоздушной обороны раз за разом заставляли немецкие эскадрильи нести тяжелые потери. Спустя несколько месяцев ежедневные налеты немцев на города Южной Англии были прекращены.

Пожалели ли основатели Федеральной резервной системы о своем выборе, о том, что так долго и упорно финансировали Гитлера? В конечном счете да. Разумеется, физически никто из воротил западного мира не пострадал. Однако в адском котле устроенного Гитлером в его предсмертной агонии тотального уничтожения евреев Европы в газовых камерах Освенцима и других лагерей в 1943–1944 годах погибло немало дальних родственников богатейших банкиров мира. В списках жертв лагерей значатся люди с фамилиями Ротшильд, Кун, Варбург – двоюродные и троюродные отпрыски основных линий наследников великих денежных династий.

Но в то же время во многих отношениях Система, как всегда, осталась в громадном плюсе. Сразу после окончания Второй мировой войны позиции американского банковского капитала и

доллара стали сильны и прочны как никогда до этого в истории. Реальные активы ФРС, раньше измерявшиеся десятками миллиардов долларов, стали составлять сотни миллиардов и даже больше.

Победители

Поздней осенью 1940 года Франк Делано Рузвельт, как и много раз до этого, встречался со своим главным экономическим советником Бернардом Барухом. За прошедшие несколько лет президент США много раз убеждался, что его рекомендации, какими бы корыстными они ни были, в конечном счете в долгосрочной перспективе всегда идут на благо Америки. Страна уже почти забыла о недавних ужасах голода и депрессии: экономика вновь росла как на дрожжах, эпоха массовой безработицы сменилась эрой нехватки трудовых ресурсов в стране, в том числе благодаря огромным военным заказам. Рынки акций тоже каждый год росли – правда, до невообразимых пиков 1929-го индексы пока еще не добрались во многом потому, что наученные горьким опытом простые американцы перестали вкладывать деньги в фондовые рынки, опасаясь нового обвала. Вместо этого они просто копили доллары на обычных банковских счетах, благо инфляция стремилась к нулю, а государство теперь гарантировало сохранность всех их «кровных» сбережений.

В этот раз их встреча проходила не как обычно, в Белом доме, а за границей (условно, конечно) – в Канаде, на небольшом острове Кампобелло, где американский президент проводил отпуск со своей семьей. Здешние пейзажи были очень похожи на столь любимое Рузвельтом суровое, продуваемое морскими солеными ветрами, но очень живописное побережье Новой Англии – к северу от Бостона. Но, в отличие от Америки, здесь не было и близко такого же количества надоедливых репортеров и фотографов. Остров находился в знаменитой бухте Фанди, где наблюдались самые

высокие в мире уровни приливов и отливов. Утром кромка океана подступала к самому причалу, а вечером воду можно было рассмотреть только в хороший морской бинокль. Ложе океана обнажалось на километры, открывая взору неровные, волнистые слои влажного темного песка, горы причудливых морских ракушек и десятки деревянных рыбацких лодок и даже небольших кораблей, безнадежно лежавших на мели. Эти виды при всей их кажущейся простоте приносили в душу состояние необыкновенного покоя и отрешенности от обычной окружающей суеты. Порой казалось, что это и есть край Земли.

Ужин в основном состоял из морепродуктов: креветок и атлантических лобстеров, к которым прилагалось изысканное белое вино, специально присланное из калифорнийской долины Напа.

– Барух, вы, как всегда, в выигрыше. С тех пор как Англия находится в состоянии военного положения, ее золото, как и золото Франции и некоторых других стран, было переправлено вам, в Форт Нокс. Более того, поговаривают, что фунт стерлингов из-за огромного бюджетного дефицита Черчилля скоро вообще придется отвязать от золотого стандарта. Господи, кто бы мог подумать еще несколько лет назад!

– Я полагаю, что это хорошо для Америки. Пока Европа меряется амбициями, мы спокойно делаем свое дело.

– Да, но только если нам не придется вмешаться в эту войну, чему я, конечно, буду всеми силами сопротивляться.

– Вы имеете в виду отправку войск в Европу на защиту Англии? На мой взгляд, ее дела вовсе не настолько плохи.

– Я имею в виду все. Гитлер может вторгнуться в Азию. Япония, кажется, абсолютно вдохновлена его успехами: завоевала уже большую часть Китая и явно зарится на весь юг Азии. А там у нас есть немало интересов. Более того, японцы вполне могут покуситься на какие-то из наших отдаленных тихоокеанских островов или даже просто безымянные атоллы. У нас там почти нет сил, а им они были бы очень полезны как военные базы. Хотя, конечно, даже с

грандиозным флотом Японии напасть на Америку с ее стороны было бы слишком нагло и безрассудно.

– Предполагаю, что японцев нам вряд ли следует бояться, хотя следить за ними нужно постоянно. И еще, господин президент: несмотря на все экономические успехи, военные расходы бюджета в последние месяцы растут еще быстрее. Думаю, что не позднее конца декабря нам придется пойти на радикальное повышение налогов с населения. Я думаю, люди поймут, надо только правильно это преподнести в средствах массовой информации.

– Повышение налогов с населения? А может, обложим как следует налогами прибыль банков? Или вообще национализируем их? Уж это народ точно примет на «ура»! Я шучу, Барух. Конечно, налоговую систему придется изменить – это происходит во время любой войны. И еще. Если Гитлер первым вторгнется в Россию, думаю, что нам придется помогать русским – не войсками, но хотя бы тем, чего у нас более чем достаточно. Например, поставлять им нормальную одежду для войск, чтобы они не околевали, как тощий скот на морозе, как это сейчас происходит в снегах Финляндии. Возможно, также поставлять им молочные продукты питания, недорогую тушенку, имеющуюся теперь в избытке у наших канзасских фермеров, что слишком сильно обваливает внутренние оптовые цены на мясо – фермерам некоторое повышение цен из-за таких поставок будет даже полезно. Относительно помощи оружием пока говорить рано. Но нам в любом случае надо предусмотреть статью расходов на помощь странам, воюющим с Германией, в бюджете страны на следующий год.

– Если вы сможете защитить такую программу в конгрессе – а я в этом не сомневаюсь, – то, разумеется, Министерство финансов заложит эти затраты в бюджет: я лично за этим прослежу.

Закат в этот вечер был темным, туманным. Где-то вдалеке кричали чайки, слышались всплески воды, массы которой понемногу возвращались ночью к кромке побережья. Воздух был удивительно чист. Но что-то в нем чувствовалось, чего не было раньше. Ожидание

грандиозных, возможно, тяжелых и драматических событий, но одновременно внушающих призрачную, пока еще непонятную, но светлую и радостную надежду.

За великой войной обязательно последует мир.

Мир, в котором Америка готовилась торжественно надеть сияющую бриллиантовую корону мира на свою голову.

Глава 8

Китайская шкатулка

Бангкок, Таиланд, наши дни

Центр Бангкока был запружен огромными толпами людей. Его картинка напоминала кадры из любимого фантастического фильма детства Джека «Бегущий по лезвию» с Харрисоном Фордом о высокотехнологическом, но крайне опасном будущем человечества в огромных городах, населенных не только людьми, но и человекоподобными роботами. Автомобили, как в том фильме, плотным потоком двигались не только по улицам, но и по автострадам, проложенным прямо над головами прохожих на высоких бетонных опорах. После футуристического, но неестественно «стерильного» Сингапура Бангкок казался живой, бурлящей смесью громких звуков и ярких цветов, приправленной острыми ароматами местной кухни из тысяч уличных забегаловок.

В аэропорту группу из трех американских студентов никто не встретил: они самостоятельно добрались в отель, откуда их должны были забрать утром. В холле отеля было настоящее столпотворение народов. За одним столиком сидела большая испанская семья – женщины громко разговаривали на кастильском наречии, произнося слова с такой скоростью, что их диалог звучал почти как пулеметная перестрелка. За другим – расположилась группа американских телеоператоров с внушительными видеокамерами: из их разговора было понятно, что они направлялись в джунгли Таиланда снимать фильм о дикой природе. Две хорошенькие смуглые сестрички из Индии лет семи-восьми с длинными косами азартно соревновались в игре на большом экране планшета Irod новой серии, время от времени весело дергая друг друга за волосы. Интеллигентный глава семьи из Британии вслух зачитывал с экрана смартфона результаты матчей английской футбольной премьер-лиги, вызывая у двоих

сыновей лет двенадцати то бурную радость, то выдох разочарования. Глобализация на нашей планете состоялась. Сколько бы ни спорили до хрипоты современные философы, хорошо это или плохо и не повлечет ли смешение культур гибель национальной самобытности, к глобализации следует относиться как к уже свершившемуся непреложному факту. Точно так же, как полвека назад человечеству пришлось принять всемирное распространение телевидения.

За полдня в Бангкоке можно успеть многое. Перекусив острой, но аппетитной тайской едой, приятели отправились в исторический район в излучине реки, чтобы осмотреть там комплекс ярко сияющих на солнце золотом королевских храмов с бесчисленными изваяниями Будды. Следующим пунктом программы был национальный турнир по тайскому боксу. Услышав об этом, Шерон скривила личико, заявив, что она против любых драк и жестокости, но все-таки согласилась пойти. Вопреки распространенному об этом спорте мнению, поединки вовсе не были чрезмерно жестокими или кровавыми: профессиональные бойцы действовали технично, умело защищаясь: наблюдать за боями, особенно за чемпионские титулы, было не менее увлекательно, чем присутствовать на олимпийском турнире по классическому боксу. Неожиданно лучшими бойцами во многих весовых категориях оказались не тайцы, а отлично сложенные и универсально подготовленные боксеры из Бразилии. Один из них – легко выигравший чемпионский поединок в среднем весе практически голливудский красавец со светлой кожей, рыжей пиратской бородой и пронзительными светло-голубыми глазами. Обходя по традиции после боя ряды трибун с победно поднятыми руками, он попозировал Биллу, очевидно, из-за профессионального фотоаппарата, по ошибке приняв того за западного корреспондента, и затем, широко улыбаясь, заговорщически подмигнул единственной на трибуне блондинке – Шерон. Та широко улыбнулась ему в ответ, и Джека от этой маленькой невинной сценки кольнул странный приступ ревности.

Поздно вечером, проводив спутницу в отель, Джек и Билл из любопытства решили ненадолго съездить в самый значный район тайской столицы. Хотя Таиланд – экономически одна из самых развитых стран Юго-Восточной Азии, именно в нем торговля женским телом превратилась в огромную и в некотором роде процветающую индустрию. Принято считать, что ее порождает перенаселенность страны, но на самом деле главная причина – неравномерность развития ее регионов. На фоне бурно растущего промышленного и туристического центра страны крестьяне ее отсталой горной северной части, лет сто назад бывшие весьма состоятельными благодаря выращиванию опиума и его продаже в соседний Китай, в наше время с введением строжайших запретов на наркопроизводство скатились в пучину отчаянной нищеты. Именно их дочери составляли основную часть многочисленного «живого товара» ночных улиц Бангкока и Паттайи.

В районе, который в Европе назвали бы кварталом красных фонарей, было крайне оживленно. Вдоль улочек стояли длинные ряды миниатюрных тайских девушек – в коротеньких юбчонках или даже прямо в нижнем белье, буквально хватавших за руки проходящих мимо мужчин. Некоторые сидели нога на ногу в барах на высоких стульях за порцией коктейля, кто-то пытался играть с компаниями европейцев в бильярд, то и дело при этом теряя равновесие из-за высоких каблуков и смешно промахиваясь кием мимо шара, вызывая этим взрыв пьяного веселья. Девушки около эротических павильонов на улице сидели на стульчиках и призывно облизывали ярко накрашенные губки, делая неприличные жесты руками, завлекая гостей в «клуб». Самым странным было то, что многие девушки (столь же тоненькие, хрупкие и миниатюрные, как и все остальные) переговаривались друг с другом низкими мужскими голосами. Джек слышал про трансвеститов, но не ожидал, что молодые мужчины (видимо, после серии косметологических операций) физически могут стать настолько неотличимыми от женщин. Уже после десяти минут прогулки по ночному району

Бангкока любопытство сменилось все более стойким чувством грязи и отвращения. Билл, любимым хобби которого была фотография, сделал несколько снимков и сразу же получил за это – к нему подбежала стайка девочек (или юношей, кто их знает?) и начала демонстративно шлепать его по голове своими веерами, что-то злобно выкрикивая. На часах была уже полночь – приятели с радостью, почти бегом покинули этот вертеп, взяв такси в отель.

В семь утра к гостинице подъехал автомобиль, похожий на армейский джип с крытым кузовом, большими широкими шинами и высокой подвеской. Двое тайцев, нисколько не похожих на гостеприимных экскурсоводов, а скорее – на вымуштрованных армейских офицеров в штатском, к тому же едва говоривших по-английски, произнесли вслух фамилии, после чего тщательно сверили их с паспортами. Один из них что-то сказал по-тайски по рации, услышал ответ, после чего жестами пригласил американцев занять места в кузове. Перед тем как сесть в кабину джипа, тайцы опустили над кузовом тент. Внутри оставалось достаточно светло, на полу около деревянных сидений стояла упаковка с питьевой водой, но рассмотреть дорогу было невозможно.

Поездка заняла часа полтора. Видимо, ее цель находилась где-то в дальних пригородах столицы, хотя точнее определить это было нельзя.

Джип проехал через какой-то пропускной пункт, затем еще через один. Наконец автомобиль остановился, тент над кузовом поднялся, и гостей наконец выпустили на «волю». Джек, которому все происходящее напоминало дурной фильм, но в то же время и немало интриговало, ожидал увидеть что-то вроде мрачного, закрытого военного полигона. Однако автомобиль окружала лишь широкая ухоженная поляна с белыми, желтыми и синими цветами на фоне густого тропического леса. Рядом находилось симпатичное современное трехэтажное здание, похожее на экологическую гостиницу. Вдоль здания тянулась оранжерея с изысканными орхидеями. Около входа был установлен щит с надписью «Сра

Resort 731» на белом фоне. Казалось, что этот «отель» готов гостеприимно распахнуть свои двери перед туристами, желающими отдохнуть в гуще нетронутых тайских джунглей. Однако, кроме них, никого не было, а в воздухе стояла странная тишина: не было слышно даже обычного для тропического леса гомона птиц.

Водитель джипа проводил гостей внутрь здания, где их снова проверили и обыскали двое вооруженных охранников. Наконец, всех троих вежливо проводили в большой кабинет, скорее, напоминавший гостиный зал колониальной гостиницы XIX-го века. На стенах были развешаны старинные черно-белые фотографии европейцев в светлых походных костюмах и пробковых шлемах, на некоторых снимках был изображен большой тайский город – скорее всего, Бангкок – во время Второй мировой войны, когда тайцы сражались с японскими агрессорами. Пара исторических черно-белых фотографий была явно из другой серии. На одной был вид гамбургских каналов знаменитого порта, видимо, тридцатых годов, на другой – фото берлинского бульвара Унтер ден Линден с рядами старых раскидистых лип на центральной аллее, очевидно, сделанное задолго до того, как холодной весной сорок пятого, под звуки приближающейся советской канонады, жители Берлина вырубили их для отопления своих квартир. В одной из стен был обустроен большой камин, который, правда, не был зажжен, а над главным столом зачем-то висела хорошо иллюстрированная периодическая таблица химических элементов.

Ожидание приема оказалось долгим. Наконец, в зал вошел высокий подтянутый мужчина лет пятидесяти пяти с коротко подстриженными седыми волосами, в очках в тонкой оправе. Он был одет в костюм без галстука, хотя, скорее, ему бы подошел халат, но не врача, а лабораторного ученого – химика или физика. Он был приветлив, но за опоздание и не подумал извиниться: видимо, считал себя крайне занятым человеком или очень важной птицей.

– Доброе утро! Меня зовут Йоахим Шенкель. Я практикующий доктор медицины из Гамбурга, возглавляю этот Центр уже около

трех лет. Искренне надеюсь, что наши методы конспирации не смутили вас? Ничего не поделать: требования к безопасности в нашем Центре – превыше всего.

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Позвольте предложить вам чай или кофе. Впрочем, как практикующий врач, имеющий в том числе научные работы по человеческому иммунитету, настоятельно рекомендую вам начинать каждое утро с кружки свежего козьего молока. Поверьте, нет ничего лучше для профилактики гипертонии, сахарного диабета, авитаминоза и других, в том числе возрастных, заболеваний. Все четверо моих детей выпивают по две кружки каждое утро из нашего подсобного хозяйства.

Гости лишь попросили принести им по бутылочке холодной минеральной воды.

– Я понимаю, что вы удивлены и ждете рассказа о том, зачем вас пригласили сюда. Но прежде я хотел бы сам вам задать вопрос. Как давно вы знакомы со Сьюзен? Она – гениальный ученый, мы давно тесно сотрудничаем с ее лабораторией, в том числе регулярно выполняем различные ее заказы. Но это первый случай, когда она прислала сюда кого-то для ознакомления с деятельностью Центра. Это тем более необычно, так как среди вас троих лишь один биолог, – он вежливо указал рукой на Шерон, – да и то пока не окончивший университет.

Билл и Шерон посмотрели на Джека. Но тот ответил спокойно и невозмутимо:

– Мой отец представляет одного из крупнейших в мире инвесторов в области биотехнологий. У него со Сьюзен и министерством науки Сингапура подписан договор о конфиденциальности (здесь Джеку пришлось преувеличить). Но прежде чем инвестировать миллиарды в местные разработки, инвестор хочет удостовериться, что положительные результаты клинических исследований новых препаратов на людях не сфабрикованы, опыты действительно проведены.

Билл и Шерон переглянулись. Что он несет? Какие еще исследования на людях?

Разумеется, они не знали о даре Джека предвидеть в критических ситуациях события в ближайшем будущем. Тем временем Шенкель с видимым облегчением выдохнул:

– Хорошо. Нечто подобное мне вчера по скайпу объяснила и она. В таком случае в ближайшие часы я в вашем распоряжении. Вам придется оставить в этом кабинете ваши смартфоны. Видеозаписи и фото строжайше запрещены. Передвигаться мы будем на открытом электроджипе в сопровождении охраны. Центр занимает приличную территорию – это целый городок. Но если вы посмотрите на него на картах «Гугл» в Интернете, то не увидите ничего, кроме размытого изображения джунглей. Как вы, возможно, догадываетесь, у компании «Гугл» есть соглашение с правительствами многих стран мира о неразглашении местоположения и вида важных военных и стратегических объектов. Иначе «Гугл» бы давно закрыли – свои же, американские спецслужбы.

Шенкель открыл небольшую таблицу на экране. На ней значились названия известных мировых фармацевтических компаний, расположенных по номерам, по мере убывания цифр напротив них.

– Здесь данные за прошлый год, которые можно легко найти в Интернете. Это расходы ведущих компаний мира на научные медицинские исследования – в основном на поиск принципиально новых лекарств. Как вы видите, у крупнейших пяти компаний цифры колеблются от пяти до десяти миллиардов долларов в год. Общий же бюджет мировой медицины на научные исследования зашкаливает за двести миллиардов. И каждый год цифра растет. Самое печальное, что во многих областях уже очень давно нет серьезных прорывов, несмотря на все эти инвестиции, например, уже десятки лет не могут открыть ни одного антибиотика нового поколения, тогда как сопротивляемость бактерий уже имеющимся растет не по дням, а по часам. По многим направлениям мы, медики, очевидно, проигрываем войну болезням. Но даже не это – главная проблема.

Множество перспективных лекарств прекрасно работают на мушках-дрозофилах, мышах и даже крупных обезьянах. Но когда мы переходим к лечению ими больных, результаты оказываются совершенно другими, подчас – противоположными. Этап тестирования на людях всегда остро необходим. Крупные фармацевтические компании имеют подразделения, которые занимаются подбором добровольцев для опытов. Но согласно Хельсинкской конвенции за участие в подобных экспериментах добровольцам запрещено платить деньги, не считая почти символических компенсаций, конечно. Считается, что это охраняет права человека – чтобы никто не решился стать подопытной мышью только из-за крайней нужды или, скажем, непосильных долгов. Нужны добровольцы, соглашающиеся на опыты из «высоких идейных» побуждений. Понятно, что таких фанатиков – немного, набирать их в обычных условиях крайне сложно, поэтому тесты остро необходимых человечеству лекарств растягиваются на многие годы. К счастью, некоторые страны мира не присоединились к конвенции.

Немецкий доктор выключил экран, задумчиво потер глаза и после паузы продолжил:

– Да, как вы уже поняли, в нашем Центре мы испытываем перспективные препараты и новые медицинские технологии на людях. Это тоже добровольцы: ни одного человека сюда не привезли силой. Но за свою опасную работу люди у нас получают заслуженное денежное вознаграждение. Сейчас в Центре постоянно находится около шести тысяч человек, хотя желающих – гораздо больше. Представлены буквально все основные национальности и расы. Это важно, так как иногда генотип человека оказывает решающее влияние на иммунологические реакции организма. Например, большинство азиатов плохо переносят алкоголь, среди африканцев – выше сопротивляемость плазмодию малярии, эскимосы могут прожить год, питаясь одним лишь жирным мясом и молоком, а средний индус от такой антивегетарианской диеты умрет

в мучениях через три недели. Многие пациенты приезжают совсем не из-за денег: они тяжело, порой безнадежно больны, поэтому хотят хотя бы успеть пригодиться для науки и блага всего человечества.

– И сколько же эти люди получают? И почему все находится здесь, в Таиланде?

– Получают по-разному, в основном мы ориентируемся на уровень благосостояния тех стран, откуда пациенты родом. Европейцам мы платим до трехсот евро в день, славянам и индусам – двадцать-тридцать долларов в сутки, африканцы, например эфиопы, с удовольствием работают просто за еду. Общий бюджет Центра со всеми научными сотрудниками и расходами – триста миллионов долларов в год. Еще двести миллионов уходит на взятки мировой прессе, просто чтобы она молчала. Итого – полмиллиарда. Капля в море, прибыль за квартал среднего американского банка. Сравните это с бюджетом вывода лишь одного нового лекарства на рынок – полтора миллиарда долларов – и поймете, зачем все это необходимо. Таиланд – место с прекрасным климатом, легким визовым режимом, здесь повсюду море туристов. Никто ничего не заподозрит. Помните принцип Шерлока Холмса? Самое надежное место, чтобы спрятать важную вещь, – оставить ее на самом виду и лишь немного замаскировать. Впрочем, пойдете.

Джип подъехал к группе из нескольких светлых трех- и четырехэтажных зданий. Со стороны они были похожи на современные производственные корпуса. Вход в каждый из них охраняли вооруженные люди в военной форме защитного цвета.

Войдя вслед за Шенкелем в одно из зданий, Джек невольно вздрогнул. По коридорам туда-сюда сновали медицинские сестры – в основном миниатюрные азиатки в белых халатах, которые были явно удивлены появлением незнакомых гостей. Лаборатории и палаты были обустроены по принципу застекления с односторонней видимостью – за пациентами можно было наблюдать, тогда как они никого по ту сторону застекленных стен не видели. Джек читал в

детстве о том, что в XIX-м веке в Париже, в том числе на всемирных выставках, были очень популярны человеческие зоопарки – посреди парка строили шалаши, в которых за ограждениями жили целые семьи привезенных из Африки туземцев, а уважаемые парижане за ними наблюдали. Он поймал себя на мысли, что здесь происходило нечто подобное. Большинство пациентов были темнокожими: многие без сил, покрытые испариной, лежали на кроватях, пара человек буквально каталась по полу, то и дело хватаясь за свои локти и плечи, которые буквально выворачивались.

– Здесь мы с помощью новейшей аппаратуры углубленно изучаем последствия от заражения малярией. У ведущих компаний на подходе несколько перспективных вакцин. К сожалению, ни одна еще не показала стопроцентной надежности. Мы вводим пациентам экспериментальные препараты, а затем в специальных барокамерах их кусают зараженные малярией комары. Многие по-прежнему заболевают. Нам важно понять, что влияет на вероятность заражения и могут ли вакцины если не предупредить, то хотя бы смягчить течение болезни. Не беспокойтесь, почти все пациенты в итоге остаются в живых, хотя у некоторых впоследствии развиваются неприятные побочные хронические заболевания. Их мы тоже стараемся внимательно изучать и лечить.

В следующем корпусе находились больные с различными протезами. Йоахим Шенкель, словно ненадолго позабыв об «экскурсии», напряженным тоном заговорил с кем-то из персонала.

Речь шла о какой-то девушке – врач подробно интересовался ее состоянием и затем поручил увеличить ей количество обезболивающих лекарств. Они зашли в изолятор, где эта девушка лежала одна. Она надрывно кашляла, в палате стоял тяжелый запах гниющей плоти. Внешность у нее была европейская – она была высокой и, вероятно, когда-то симпатичной брюнеткой.

– Крайне неприятный случай. Девушка из Украины, попала в тяжелую автомобильную аварию, ударила шею и в итоге лишилась трахеи. Обычно в таких ситуациях вместо нее вставляют

железную трубку, с которой пациенту хоть и тяжело, но можно прожить много лет. Но одна из европейских компаний предложила ей впервые в истории вырастить новую трахею из ее же стволовых клеток. Невероятно перспективная технология, но пока совершенно не отработанная. Первую пару месяцев после пересадки она отлично себя чувствовала, за ней даже приударили несколько охранников. Но затем что-то пошло не так, трахея начала гнить, и, кажется, мы уже ничего для нее не можем сделать. Кто-то из моих коллег сказал, что лучше бы, наверное, ей было сразу погибнуть в той аварии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Билл
Алекс
Билл

РОМАН, КОТОРЫЙ ИЗМЕНИТ
ВАШИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ

МИРОВОЕ
ПРАВИТЕЛЬСТВО

